

Сборник боли и смеха

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Ида Хайд

18+

Ида Хайд

Сборник боли и смеха

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70653061

SelfPub; 2024

Аннотация

Часики не тикают и другие рассказы и стихи из жизни биполярника. Содержит нецензурную брань.

Ида Хайд

Сборник боли и смеха

Стань синим

Хрясь! – с размаха вонзаю нож в мягкий живот.

«...добрый мой слоник, ты не грусти...»

Вспарываю его по направлению от себя.

Прости, но по-другому я не могу освободить тебя.

– Олеся, что случилось? – музыкальный работник детского сада с внешностью интеллигентной цыганки убрала руки с клавиш лакированного пианино.

– Почему они обижают бедного слоника? – нос заложило от слез, которые я уже не могу сдерживать.

– С ним все хорошо. Это просто песенка, продолжай, у тебя хорошо получается.

Дети продолжили петь:

«Но наступили дни перемен

Хитрый охотник взял его в плен»

– Папа, купи мне розового слона!

– Хорошо, Олесик.

– Только розового!

– Непременно, любимая.

*«был он снаружи чуть мешковат
Добрые уши ласковый взгляд»*

– Пап, ну он же серый! – ну почему он никогда не слушает меня! Слооооник... этим взрослым наплевать. Им все равно.

*«И в зоопарке пасмурным днем
Стал он обычным серым слоном»*

Не хватает крови. Дорисую краской.

*«Скоро подарит Солнце рассвет,
Выкрасит кожу в розовый цвет»*

Дурацкий тюбик акрила почти засох. Фуксия. Господи, ну и херню же я натворила... Надену на него синюю вязаную кофточку. Чтобы мама не узнала. Так точно не заметит. Сейчас, вот так... я тебя согрею.

Если бы только папа подарил мне розового слона... Мне не пришлось бы этого делать.

«Звери смеются, шутят над ним:

«Ай да красавчик, серый, как дым!»

– Мне нужен синий каменный слон.

– Почему именно синий? – муж привык к моим выходкам.

Они даже нравятся ему.

– Я в детстве остро нуждалась в розовом слоне, а подарили серого.

– Тогда почему синего?

– В детском саду мы учили песенку про розового слона, которого поймал охотник и слон стал серым.

– Таак... и при чем здесь синий цвет?

– Я разозлилась, что не в силах принять цвет слона и свои эмоции. И вспорола ему живот. Осознав всю глупость, наде- ла на него синюю кофточку. Чтобы спрятать от мамы свои проделки и согреть раненого слоненка.

– Про синий так и не понял.

– Мне не нужно никого спасать, убивать и самой убивать- ся по разным поводам. Розовый цвет – это наивное детство. Серый – это реальность. Она нейтральна. А синий – это мое одеялко, которое согревает и прячет с одной стороны, а с другой – позволяет не травмироваться переживаниями, при- нимая реальность и себя, раскрашивая ее цветами своего восприятия. Слон для меня теперь символ хрупкой чувстви- тельности, но не разрушающей скорби. Поэтому пускай он будет из камня.

«Слон улыбнулся, слон их простил»

Открывай

За окном завывал мартовский ветер. В комнате деда мо- нотонно что-то бормотал телевизор, бабушка дремала у его кровати, держа в руке трубку от кислородного баллона. Из гостиной доносился мерный звук настенных часов, подарен- ных сослуживцами ее мужу: тик-так, тик-так.

Глухой звук хрипа и кашель деда прервали сон бабушки.

Она положила трубку на колени и посмотрела на деда.

– Устал я, Наташа, – еле двигая сине-фиолетовыми губами, дед сжимал руку бабушки. – Как ты будешь без меня? Справишься? – он всю жизнь старался для своей Наташи. Она рано бросила работу, а он был счастлив полостью ее обеспечивать.

– Конечно, справлюсь, Женя, – бабушка улыбалась блестящими от подступивших слез глазами.

За окном завывал мартовский ветер. Настенные часы в гостиной отмеряли время. 9:10 тик-

– У нас какая-то доставка сегодня? – спрашиваю у мужа, который с трудом пытается вырваться из цепких лап царства Морфея.

– Нет, – какая может быть доставка в воскресенье утром. Положение этого утра – между подушек.

В дверь настойчиво стучали. Мы настойчиво игнорировали. В дверь барабанили, что слышался треск отходящих от дверного проема наличников. Продолжаем делать вид, что нас нет дома.

В марте невозможно быстро проснуться, в многоэтажке сложно уснуть. А если сон наступил, хочется подольше побыть в нем.

– Может быть мы топим кого? – муж вышел из спальни и проверил коммуникации, прежде, чем мы услышали крик сквозь настойчивый, непрекращающийся стук в дверь:

– ОТКРЫВАЙ!

– ???

Нас обоих охватило ощущение, что не открыть невозможно. Если мы будем игнорировать стук, нечто просто снесет дверь или иным способом проникнет к нам. Муж щелкнул замком.

Человеческий комок красного цвета влетел кулаком вперед:

– Что у вас тут, нах, за барабаны ???

Муж успел увернуться от смазанного джеба рыжего краснотлица мужчины.

– Какие барабаны? – мой благоверный видел, что вломившийся пьян и не в себе.

– Всю ночь стучал кто тут??? У меня аж ребенок проснулся.

– Пройдите, посмотрите, у нас нет никаких барабанов.

Я успела одеться и стояла у двери, когда сосед открыл ее.

– Ой... здрасьте!.. извините... я не знал, что... – громила принялся расшаркиваться, ощущая очевидную неловкость. Кажется, он начал подозревать, что ошибся.

– Здравствуйте, что случилось? – я сталь, я кремень, я ничего не боюсь.

– Да хер его пойми!.. Барабанит кто-то ночью, у меня сын со страха проснулся «Пап? что это?». Я и подумал, что соседи. Всех обошел...

– Так это вообще не в этом подъезде может быть. Тут по

плите может резонировать звук, – сдержанность и рассудительность мужа успокоит любого.

– Да херова коробка! Точно... но кто тогда? – удивительно настойчивый человек.

– Кто угодно. В двух подъездах от нас кто-то ремонт делал на первом этаже, нам было слышно, как будто это было в соседней квартире, – а мы на двенадцатом живем.

– Ну и дом! Дурдом. Ладно, извините еще раз, ради бога, – краснолицый раскланялся и попятился к двери.

Мы ни разу не видели его ни до, ни после того, как он вломился.

– Что??? Да... хорошо. Скоро буду, – муж нажал сброс на телефоне и побледнел. – Дед умер.

На часах застыло время 9:10...-так.

Галка

– Вы помните, как здесь оказались? – мужчина в белом халате посмотрел поверх очков.

– Все помню, – процедила девушка с растрепанными темными густыми волосами. На фоне бледно-желтой стены больничного кабинета они казались темнее, чем были на самом деле.

– Почему вы здесь?

– Думаешь, свихнулась?

– Вы считаете себя больной?

– Больной ты.

За окном сидела галка. Наклонив голову на бок и прищуривая глаза, она заглядывала в комнату, постукивая клювом по раме. Девушка перевела взгляд с птицы на мужчину:

– Не видишь? Так пусти МЕНЯ!

– Вы куда-то торопитесь? – от вопроса доктора веяло стальным холодом. Любой ответ – капкан, он захлопнется, как только ты коснешься языком железяки на холоде.

– Знаешь же, надо мне... – она посмотрела на портрет мужчины, что висел над столом доктора.

– Что надо? – снова холод и равнодушие бронзового памятника.

– Тысячу раз сказала – владыку спасать, – примерно так учитель теряет терпение, по третьему кругу объясняя элементарные вещи.

– От чего? – а доктор знал ответ. Он слушал эти ответы третий раз.

– От духов темных! Пока я тут, с него долги забирают, потом и жизнью возьмут... – кивнула девушка на портрет, откуда снисходительно смотрел мужчина лет семидесяти.

– Почему вы так решили? – мужчина невозмутимо дышал на свои очки, протирая стекла краем халата. Вообще-то у него было хорошее зрение, очки он носил, чтобы прятать глаза, а точнее то, что они выражали.

– Духи показали. – солнце, выглянувшее первый раз за весь ноябрь, подсветило светлые волосы мужчины с портре-

та – подарка врачу на годовщину правления владыки. Снизу сияла золотая надпись «20 лет – это только начало».

– Вы слышали голоса или видели галлюцинации?

– Покажу тебе, врач, – Блеснула карими прищуренными глазами Тата.

Птица за окном громко стукнула клювом по стеклу. Тата и врач синхронно обернулись и посмотрели на галку.

– Расскажите лучше. – доктору хотелось скорее закончить этот разговор. У него уже заказан столик в ресторане по случаю годовщины. Десять лет назад он женился на дочери владыки. Десять лет он занимает кресло главного врача психиатрической больницы.

– Па-ка-жу!

– Хорошо, каким образом вы мне покажете? У вас есть запись или пленка?

– Покажу, са-дись, – Тата указала на диван, над которым висел портрет владыки, и встала рядом.

– Что ж, я слу... – не успел договорить доктор, как Тата положила ему руки на глаза.

– Мама?

– ...

– ... Что ты тут?... – врач оглядывал по сторонам свою детскую комнату. Она была такая же, какой он помнил ее восьмилетним мальчишкой, только все было немного размытым, как бы выцветшим.

Карта России над кроватью, письменный стол у окна с треснувшим лаком, желтые шторы, желто-коричневые обои. На деревянном стуле у двери сидела маленькая бабушка с пучком седых волос – мама доктора.

– Шшш..о... ак эо? – ком в горле мешал дышать и не выпускал из голосовых связок некоторые звуки.

– Отпусти ее, идиот! – пронзительно крикнула женщина у двери, галка стукнула по стеклу, и доктор очнулся.

– Чтоза... шутки – доктор хотел было вскрикнуть, но вовремя осекся, вытер испарину со лба и поправил очки.

– Понял? Видел? – улыбалась Тата улыбкой в стиле «я же говорила».

– Я понял, что вы владеете некоторым видом гипноза, вызывающим галлюцинации.

– Дурак!

– Постарайтесь, пожалуйста, говорить без оскорблений.

Вы сегодня принимали свои лекарства?

– Зачем наркотики мне даешь?

– Чтобы ты хорошо себя вела и не вредила себе.

– Дуууу-рак! За ним тьма идет, помочь могу.

– Ну хорошо. Вот объясните мне, как вы, Татьяна, простая женщина из деревни без образования сможете помочь владыке?

– Договориться могу! С духами, – крикнула Тата. – Отпусти меня, врач...

Старое окно в деревянной раме с облупленной белой

краской с треском распахнулось от порыва ветра. В комнату влетела галка. В панике она бросилась к зеркалу, что висело над ржавой раковиной и с силой ударилась о него. Охапка черных перьев с ее хвоста и крыльев упала в раковину и на паркет. Взлетев снова, птица с силой ударилась о стеклянную витрину шкафа.

Тата бросилась бежать. Она опрокинула стул, налетела на запертый, похожий на сейф, железный шкаф, и с разбега всем телом ударилась о входную дверь. Дверь была заперта.

Врач схватил историю болезни и стал размахивать ею, отгоняя птицу к окну. После нескольких попыток ему это удалось. Потрепанная галка вылетела, он закрыл за ней окно. В кабинете стало тихо. Поправив очки и растрепанные от ветра волосы, доктор, продолжил:

– Вас насильно никто не держит. Вы здесь для вашего же блага. Отдохнете, успокоитесь, во всем разберётесь и отправитесь в свою... – его прервал звонок по спецтелефону. Этот аппарат за все время работы доктора звонил всего два раза: первый, когда владыка впал в кому, второй – когда в клинику везли Тату.

– Слепых слушает! – его глаза округлились на миг, но он тут же прищурил их, как это делают во время разминки для глаз. Большим и указательным пальцем он держал оправу очков.

Тата разочарованно улыбалась:

– Не успела...

– Да-да-да-да-да-да-да-да-да-да!... Конечно. Выхожу, – с неестественной услужливостью пролепетал доктор, положил трубку и нажал кнопку вызова санитаров.

– Умер? – дрожащими губами прошептала Тата.

Двое коренастых молодых мужчин в форме мед братьев помогли надеть Тате смирительную рубашку.

– Воот так, молодец. Сейчас пойдем спатеньки, – ласково приговаривал санитар, затягивая веревки сзади рубашки.

У двери Тата с глазами, полными слез и сжатыми губами обернулась, но врач уже не смотрел на нее. Санитары кивнули в ответ на взгляд доктора. Дверь захлопнулась, эхо от грохота отразилось головной болью, внезапно выстрелившей в виски врача.

Слепых достал из ящичка в столе блистер, щелчок – и из фольги выпало две белые таблетки. Налил воды из графина, поставил стакан на подоконник. Достал с верхней полки шкафа бутылку с янтарной жидкостью, пятью звездочками и надписью на армянском. Вылил воду из стакана в горшок с фикусом, наполнил его янтарной жидкостью, ею же и запил таблетки.

После пары глотков он взглянул на фото его матери на своем столе.

– Ну что уставился, идиот? Из-за твоей жадности переворот будет! – Слепых вздрогнул. Его телефон завибрировал и откуда-то из-за шторы на экран упало перо галки. Он выдохнул, смахнул перо, сделал еще два глотка и посмотрел на

телефон: «Татьяну выписать».

Отражение в банке огурцов

Есть что-то от азиатской кухни в червях, которые лакомятся твоей курочкой. Четвертое поколение розово-серых личинок наяривают гнилую плоть. Консервы, внутри которых шкатулочным бархатом тебя встречает плесень эlegantного изумрудно-серого цвета, каким дизайнер покрасит стену в спальне английского стиля. Внутри алюминиевой шкатулки тебя ждет не обещание жениться, а результат фатального нереста лосося, погибшего в прошлом тысячелетии. Микроволновка эры бесславного лосося пережила атомную войну и всех тараканов, мужественно оставивших следы на ее дверце и стенках некогда непобедимой тараканьей империи.

Переместимся в подвал. В этом подземелье едоки посерьезней, судя по оставленным на красных кирпичках следах, подернутых черной паутиной. Черная вдова? Не знаю, возможно просто грязь. Ржавая цепь, как локон рыжего гнома со скрипом выезжает из стены. Мужчина, что не показывает лица и скрывает свой голос, брезгливо и без уважения швыряет тарелку носителю цепи. Вместо соуса на ней вьевшаяся коричневая грязь, вместо украшения – колышущаяся плесень, распыляющая свои споры, едва соприкоснувшись с сородичами, и толстенькие розовые крепыши – опарыши, бодро и с хрустом жующие остатки гнилого мяса.

Раз в две недели безликий снимает видео, где рубит мясное. Мясная гастрономия эпизодически разбавляет ленту видео с живыми животными – коты, утки, один раз, кажется, был даже младенец. Правда, через несколько дней они навсегда пропадают из роликов, уступая место мясному контенту: мясо на плахе, утиная голова на сковородке.

Безликим не интересуется полиция, им интересуются 500000 подписчиков.

Я не человек

Скрывающий голос на стримах он общается с помощью ручки и бумаги.

Безликий питает слабость к молоденьким девушкам. Иногда он подключает их к своим эфирам, а иногда не их.

К слову, молодые особы тоже испытывают к нему навязчивое влечение. Такие, которые заебут писать «ты меня не любишь?», «мне кажется, ты меня разлюбил», «а ты бы убил ради меня?» и прочую малолетнюю романтичную херню.

Женись на мне!

Я хочу от тебя ребенка

Приезжай ко мне, я буду тебя кормить

Я тебя спрячу

Пишут наперебой.

Он же, выбрав себе понравившуюся, делается взволнованным и почти перестает владеть собой.

Как тебя зовут?

Откуда ты?

Где ты живешь?

Ты одна живешь?

Кто сейчас с тобой дома?

Иногда после таких разговоров он резко прерывает или заканчивает эфир. Через пару дней у него на канале появляется мясной контент.

Что же до остальных подписчиков,

Неет, он же сказал, что его ищут. А? Да все в порядке со здоровьем у него. Просто живет так. Не, ничего не болит.

не все из них понимают, что они в кадре стрима маньяка. Они ощущают себя в кадре известного необычного блогера или как будто их пригласили сниматься в новой части Американской Истории Ужасов, ну или там в Таежном романе, воспринимая безликого как звезду или как друга, ну такого... с придурью.

Радостная бодрая музыка существует не для пробежки по сосновому бору или мотивации, нет. Она играет для безликого, когда он воодушевленно рубит очередную порцию мяса. Мясной контент. Активный день. 10000 шагов, 10000 махов топором. Дыхание хуем. Вселенная тик-тока изобильна.

Но не подумайте, этим его контент-план не ограничивается. Иногда он перевоплощается в искусного кулинара, чей засранный стол, помимо грязи, покрывается некоторыми продуктами и кухонной утварью. Натюрморт периодически перекрывает лист бумаги:

Муку добавляем?

Добавляем, конечно, она ведь лет 5 как просрочена.

А это режем или в блендер?

В блендер! Он же без крышки, пусть будут брызги, Новый год же скоро.

Безликий говорит, что у него нет паспорта, нет банковской карты. Что он живет один, выходит только ночью. На охоту.

Нет родителей

Многие ищут меня

Пишет на клочке бумаги.

Опасно

Не могу показать лица

Я не человек

В подвале у него две горки, засыпанные по форме могилы землей. Так присыпаю землей свежие могилы на какое-то время, прежде, чем поставить плиту или памятник. В каждую из них он воткнул по церковной свечке. Стрим при свечах, ну какой же он романтик!

В спальне на прикроватной тумбочке безликий хранит коллекцию женских заколок, резинок для волос и расчесок. Он бережно перебирает их, гладит, как кошечек. А если кошечка вдруг царапнет его неприятным воспоминанием, с остервенением скидывает ее на пол. Плохая киса, пшла нахуй! В некоторых эфирах он хвастается коллекцией. Фэшн контент.

Становясь зрителем его стримов я испытываю захватыва-

ющую тошноту, это когда омерзительно и интересно одновременно сразу. Я впечатлительный, умею погружаться в любую тему, так что при просмотре бывает ощущаю себя жителем этого дома, безликим. Воображаю, что сам создал этот образ и гениальную стратегию для создания контента.

Ему падают донаты.

У меня нет карты

телефон нашел

с тик током

Не шлите мне ничего

мне не надо

я не могу это получить

карты нет

Вот гандон! Я узнаю, кто ты, разоблачу тебя и уведу всех твоих подписчиков. Хотя, конечно, смотреть на срач и руки загадочного маньяка куда интересней, чем на переведенный с английского спизженный рецепт с унылым описанием и кол-ту-эшеном к покупке приправы Полипы-в-Тапке. Но лучше уж быть честным смм-щиком в скучной компании, чем алкашом из глубинки. Наверно, но не точно.

Сегодня мерзостно холодно, ненавижу февраль. До боли настапиздевшая кухня с затертым, изрезанным ножом столом и почерневшей паутиной над входной дверью. Я слишком много смотрю треш-контент. Опять проникся, как будто побывал в этом доме маньяка.

Ты никто! Пустое место!

Да, мама...

Ты мне жизнью обязан!

Весь в отца!

Не могу видеть твой хлебальник! Ничего ты не можешь!

Готовка и писанина твоя для девочек! Ты не мужик!

Да, мама...

Иду к себе, засовывая подальше свой гнев. Я прячу его в глотке. Я прячу его в заднем проходе. В крайнем случае меня просто стошнит или пронесет. Нормально. Все норм.

Не хочу с тобой встречаться

Ты странный

Ты не такой

Ты не тот, с кем бы я хотела быть

Тайком снятая резинка с длинных светлых волос... на ней осталась пара волос. На память. Теперь они мои, всегда будут моими, моя кошечка.

Телефон мелодично завибрировал, я вздрогнул. Начался стрим безликого. На кухне капал кран. Безликий закрутил кран на кухне покрепче. Что-то пишет на бумаге. Телефон мелодично вибрирует. Я, не моргая смотрю в экран телефона. Я замер. Я не дышу. Не двигаюсь. Я тигр в траве. Это охота. Горло запершило. Безликий закашлял.

Нет я здесь один

нет мамы, нет папы

Я здоров

Опять та же песня и все 100000 зрителей как в первый раз

спрашивают об одном и том же и охуевают с ответов. Кожей чувствую его могущество, ноздрями чую напряжение зрителей. Оно пахнет подростками: потом, лосьоном от прыщей и затхлым воздухом, сгенерированным прыщавым отрядом, катающим в Доту всю ночь. Наивные, они хотят знать кто это. Если они узнают, увидят или услышат его голос, уже не будет такого интереса. Он же, блядь, это специально устроил! Гений хренов! Он знает, что для популярности ты можешь не иметь ничего, кроме засранного сарая. Даже просроченные продукты будут интереснее ламбаргини и жопы инстасамки. Потому что те все показывают, а он скрывает. Тайна манит.

Свет моргнул, наверно, опять проводку коротнуло.

Безликий треснул по лампочке, поверхность которой состояла из засохшего говна мух. Он режет сало и бородинский на столе среди луковой шелухи, откусывает его и показывает след от зубов на бутерброде. Меня тошнит, но, блядь, как же это вкусно.

Он кладет лист бумаги на стол рядом с трехлитровой банкой соленых огурцов, в которых уютно цветет дизайнерским серо-зеленым плесень. Качество связи плохое. У меня один провайдер на всю деревню.

Банка! Есть!

Отражение лица в банке огурцов! Попался! Ну и урод. Кривой череп, его щипцами что ли при рождении тянули? Короткая стрижка в форме платформы, с которой хочется

прыгнуть в бездну социального дна и пробить все ее уровни своей убанской прической. Один глаз полузакрыт, как у пирата дауна. Ты проиграл, предводитель долбаебов!

Я перевел взгляд от банки и снова посмотрел на нее. Ебанный кран опять капает. Я встал из-за стола, стряхнул луковую шелуху и закрыл кран. Лампочка, поверхность которой состояла из говна мух, замигала и свет погас. Телефон мелодично завибрировал. О, кто-то прислал донат.

Поле странного ЖК

– Епта, это что шас было? – на пороге бытовки стоял строитель, пытаюсь понять, куда все исчезло. Вокруг был сплошной пепел посерди которого стоял строительный городок. Рядом с его бытовкой скрипнула и с грохотом упала железная труба, утонув в пыли.

– Охуеть... Назарбеееек!!!

– Ааа?

– Что за поебень, брат? Ты цел?

– Ваняет... Газ что ли взорвался?

По тропинке через поле шла девушка, брезгливо оттопырив гиалуроновую губу. В одной руке у нее был латте на миндальном, в другой – выплевывающий уведомления, телефон. На ногтях – толстенный слой шилака, в глазах – проактивность, дикость, успех.

– Уой!.. – в траве что-то шевельнулось. Это был младе-

нец. Он просто лежал у обочины, улыбался и радостно дергал ножками.

Девушка посмотрела на телефон, потом на младенца. Она опаздывала. «Блин, у меня руки заняты!» – подумала она, поправив шарф, скрывающий огромную зеленую язву на шее. «У меня уже 105 писем пришло, на встречу опаздываю, надо еще назначить встречу, чтобы обсудить, когда всем было бы удобно встретиться, еще обговорить ту встречу. Нет у меня время на это тут!»

Она сфоткала младенца и ушла вглубь тумана. Туман этой ночью был особенно густой, что даже к 10 утра еще местами навязчиво нависал над полем и МКАДом, как мать над сорокалетним сыном, который не хочет съезжать.

По тропинке, прихрамывая шла полная невысокая женщина лет 40. Ребенок в траве довольно взвизнул.

– Ох, боже ты мой!... Ты откуда здесь? Где твоя мама? – громким скрипучим голосом, которым ругаются с соседями в селе, проговорила женщина. Она посмотрела по сторонам – никого. Закашлялась. Сегодня у нее особенно сильный кашель с кофейной мокротой.

– Малышка, я бы взяла тебя, да у самой уже пятеро таких, – она шла к банкомату снимать пособие на одного из них.

Потрепав за щеку младенца, выкурила две сигареты, запустив бычки в поле. Закашлявшись до хрипоты и выступившего пота, ушла в туман. Она шла за пособием на одного из

пяти своих детей. Ей нужны были деньги на аборт.

– Да не видно отсюда, давай тут! – два подростка с проплешинами на голове в форме Африки копошились в высокой траве, подыскивая себе место для занятий подростковыми делишками.

– Погоди, тут какая-то хрень, – парень споткнулся о младенца, отчего тот заплакал.

– ААА! – девушка рванула в обратную сторону, парень, спотыкаясь побежал следом, оставив на сухом кусте полни клок волос.

Через час по той же тропинке шел мужчина лет 60, деловито неся подмышкой барсетку, из которой выглядывал ежедневник 1993 года.

– Таак. А это что тут у нас? – мужчина заглянул в траву, откуда ему улыбнулся младенец.

– Интересно... вот куда смотрит правительство? Среди бела дня младенцы в траве валяются! И где мне искать его мать? Черт знает что! Сажать таких матерей надо, – мужчина сплюнул, что-то пробормотал себе под нос и пошел дальше. У него болела голова и жутко чесалась шея, отчего он был очень раздражен.

– Схиии... маленький, ты чиво тут один валяешься? – рабочий со стройки поднял улыбающегося младенца. – Гиде твоя мама? А? Агууууу! – он приподнял его и взял на руки, аккуратно придерживая голову.

Рабочий принес младенца к себе в бытовку, повариха из

столовой принесла молоко и бутылочку. Они покормили малыша, укутали его одеялом и уложили спать, соорудив из куска фанеры и телогрейки заслонку у кровати, чтобы тот не упал.

Младенец сладко спал. Туман сгущался. Дети растут во сне. Малыш спал изо всех сил так, что к полуночи он вырос до размеров годовалого ребенка. К трем часам ночи он вытянулся до 8 летнего мальчика. В 6 утра он был размером с подростка. В 8 он стал под два метра ростом, еле помещаясь в кровати строителя. Пеленки валялись разорванными тряпками вокруг. Он встал с кровати, ударившись головой о потолок бытовки. Пригнулся и на полусогнутых ногах вышел на улицу. Голый.

Конечности его были тонкие, кожа розовая и сухая. Глаза горели красным, отражаясь в окнах новых и строящихся домов, как лазерные указки для игры с кошками.

Он посмотрел на поле, поднял голову и застыл. Жуткая боль в животе заставила его скрючился. Он заскулил как пес, с которым не гуляли весь день и пукнул.

В строительном городке послышался шум.

– Епта, это что щас было? – на пороге бытовки стоял строитель, пытаясь понять, куда все исчезло. Вокруг был сплошной пепел посерди которого стоял строительный городок. Все три корпуса нового ЖК исчезли. Поле тонуло в зеленом тумане.

Джаз для желе

– Джаз – это музыка состояния, когда ты только собираешься выпить, а блюз – это когда ты уже в говно, – Андрей сделал музыку громче и чуть прибавил скорость.

Мне не по себе. Ладони покрылись липким потом.

– Джаз – музыка рабов. Диких, сильных. Они сочиняли его после работы, собираясь в своем кругу, – он прибавил газа, машина дернулась под рев мотора.

– Агааа... – пот стекает струйкой страха по спине неуверенности. Неужели он знает?

– Как в древности, как в диком племени. Музыка свободных духом, атлетически сильных, но несвободных людей, – он снова прибавил скорости. Прямо перед резким поворотом. Он знает, как я боюсь этого.

Я молчу как школьник, чья мама только что вернулась со школьного собрания и ищет ремень с пряжкой. Мы мчимся по туманной трассе. Джаз гремит, отражаясь от стука моего сердца, кардиограмма которого похожа на ритм моих нервов.

– Представь: после тяжелой работы они собирались в каком-нибудь сыром вонючем подвале, доставали свои банджо, саксы, прикатывали расстроенное пианино и играли, наслаждаясь свободой. Как тяжело весь день батрачить, слушать оскорбления. А кого-то ведь и плетью могли огреть, – он резко затормозил перед пешеходным переходом. Пот на спине стал холодным и мерзко липким. Я белая рыхлая рука

женщины в междугороднем автобусе на юге: липкое, холодное беспомощное желе.

Андрей дернулся на желтый и сразу до 120.

– И вот три черных мужчины в сыром хозяйском подвале, – он снова прибавил газу и уже не говорил, а почти кричал. Музыка орала, он кричал еще громче и просто по приколу выехал на встречу.

Я забытый холодец после праздников на дальней полке старого трясущегося холодильника.

– Или четыре? А??? Как думаешь, по сколько человек их собиралось???

– Яяя... Я не знаю... осторожней, можешь ехать чуть медленней.

150

Он вернулся на полосу.

– Не знаешь? Стыдно не знать историю джаза. Это великая музыка, великие музыканты. Ее создал великий народ. А мы просто похитили ее у них. Эксплуатируя их, как рабов. Они ведь были рабами, верно?

160

– Да, но к счастью, уже нет... – я трясущийся пудинг, бабушкино бланманже, крем-блюэ.

– Но они были просто рабами! Гребанными дикарями! Все, на что они способны – работать в поле и мыть горшки. ДА?

170

– Нет... они такие же люди... и ни в чем не виноваты. Можешь, пожалуйста, осторожней!..

180

– Нет! Говори как есть! Рабы! Как они могли создать такую крутую музыку???

– Пожалуйста... – я завертевшееся желе. Таю, воняю, исчезаю.

– Что? Я не слышу тебя???

Джаз гремел, мотор рычал.

190

Андрей резко с визгом затормозил, чуть не сбив хрен знает откуда взявшуюся посреди трассы, бабушку.

Он подпевает мелодии как маньяк в предвкушении убийства.

Я огромная куча просроченного желе на переднем сидении.

– Зачем ты сказала маме, что я хочу жениться на афроамериканке?

Чат

Такси уехало быстрее, чем я успел понять, где оказался. Маросейка, дом 18. Где здесь Zotman pizza? Хрень какая-то. Я никогда здесь не был и сильно удивился, что коллеги предложили встретиться именно тут.

Серый туман застрял в текстурах промзоны. Зловонная

речка, полуразрушенный завод, амбар, помойка... Я обошел все вокруг: ни души, ни кафе, ни пиццы, ни радости.

Посмотрю в чате, может адрес перепутал. Нет, все верно.

Ребят, я на месте. Вы где?

Участник чата отправил фото.

Дэн, ты куда забрался, го к нам

На присланном фото была пиццерия, где все участники чата за столом.

Чувак, что за скрины из фалаута

Это Серега. Любит он играть в пост апокалиптические игры.

ты в чернобыле, Дэн?

Я на Маросейке 18, как и договаривались.

Блин чел МРАкосейка 18, ты в какой вселенной живешь?

Аахахх кто-то взял побочный квест

Да, смешно. На днях мы в чате обсуждали побочные и основные квесты. Когда побочные бывают интереснее главной сюжетной линии, что забываешь про основную задачу и бегаешь по маленьким заданиям. А то и сам себе придумываешь занятия в игре, наплевав на сюжетную линию.

Иди по основной ветке

иди на свет, Дэн

Выйдешь к пиццерии

Давай, мы тебя ждем!

Дождь стекал по лицу разочарованием и неловкостью. Где в Москве Мракосейка, не знали даже Яндекс карты.

Обалдеть, завтра мы увидимся вживую. Со всеми. За месяц общения, кажется, у меня появились друзья и интересные собеседники. Я многому у них научился, знал, кто чем увлекается. Мне нравится быть одним из них. Как будто бы я был частью каждого из них, а они были частью меня.

А вот и один из них. Главный Петросян чата шутил до последнего. Пока не вырубался.

Ладненько, пойду давление померяю и спать давай

спокойной ночи

С божьей помощью

Приятных снов без энуреза

А вырубался он под утро и пока спал, в чате было тихо.

снова сухие сны(

Полдень. Шутник проснулся.

И только им доверяю я

знаешьте сухие сны

ви все мои таини

Сдавайтесь, трусишки

Пхах

Я пишу сценарии игр. Нашел вакансию, прошел обучение и попал в чат. Сценарии писались легко и быстро, меня читали, меня комментировали. Однако больший мой интерес представлял чат. 33 405 участников. Я участвовал во всех беседах. Я читал все сценарии и знал всех авторов.

это уже видел как похожие истории. Тот же квестома-

нъяк

В первый раз о таком слышу, хех

Ему сто лет

Квестоманьяк давно известен в своём кругу. На любителя.

Кроме написания сценариев, мы любим обсудить других авторов и, конечно же, игры.

И что это меняет, хехе

Разве Квестоманьяк – не маленький пэт-проджект энтузиастов?

:D

Так и есть. Но там отобрали грантовых авторов и пишут так.

Не вижу энтузиазма :D

В том чате я и техническая поддержка, и админ, и просто один из 33 405 сценаристов.

Опять сайт упал, пятисотая ошибка.

писот

АДВОКАТ (с)

лежит сайтик :(

Бегу

Быстро отправил запрос Техножрецу.

поднял

На самом деле, не все 33 405 были активными. Какие-то признаки жизни подавали 3358, сценарии писали 1561, в чатах общалось 392 человека. Из 392 в одном городе жило 163.

Из них были готовы встретиться 12.

пицца, суши, шаурма?

ахах я за шаву

я за любой движ

а где?

я здесь

да территориально где?

давайте в центре

давайте в Мрытищах

кисуль, давай не надо

Zotman pizza?

мммм

На Мракосейке котоая

в Мрытищах Алло пицца тоже ничего

пхпхп

нет смиришь

да, Зобман збс

я в деле

норм

Я вижу все и даже иногда знаю, кто что напишет в следующий момент. Я пишу ответы наперед, иногда они быстрее того, кто задает вопрос. Я пророк, я провидец.

Что? Сайт лег? Я поднял его за секунду до твоего сообщения. Запутался в правилах конкурса? Я тебе уже кинул ссылку, посмотри, прежде чем отправлять сообщение. Кому-то скучно? Вот шутка! Еще? – Пожалуйста! Все для моих дру-

зей!

Почему геймеры не набирают вес во время игры?

Потому что они слишком заняты беганием от противников!

Вот это ты отмочил!

Почему сценаристы любят писать фильмы про маньяков?

И почему же?

Чтобы не чувствовать себя одинокими в своих мыслях о том, как убрать всех своих персонажей!

Улет! Давай еще!

Почему Дональд Трамп не может сидеть на диете? Потому что он не готов отказаться от своих "Big Macs" и "sovfefe"!

Вот это ты загнул!

Знаете, как социопат отвечает на вопрос "У тебя есть друзья в соцсетях?" – "Да, у меня их 5000, но я с ними не общаюсь"

Ааххаах

Так, кажется, это уже не я. Или я? Кто-то пишет:

коллеги

что-то странное тут

Дэн?

Да, дружище! Я всегда к твоим услугам. Неужели я что-то упустил или кому-то не угодил?

у нас Дэн сам с собой общается сразу во всех ветках

...

он бот, кикните его

Маросейка с туманом, промзоной, все вокруг резко потемнело, оставив лишь маленькую точку, как глазок, через который я мог видеть только чат. Секунда – и точка исчезла во тьме.

Нашла коса на камень

Я проснулась в шатре на лесной поляне и поняла, что не могу подняться. Как будто что-то удерживало меня. Дернувшись несколько безуспешных раз, стала искать причину.

Вчера приезжали журналисты. Любят они зрелищные сюжеты да яркие фото. Лучше бы они приехали, когда мы выгрузились из автобуса и 500 метров тащили на себе от 20 кг инвентаря каждый. Толку от них было бы больше. Одна палатка весит 20 кг, а еще обмундирование – меч, шлем, чешуя... это еще килограмм 20.

Эх, не продумала я момент логистики! Поляну нашла, все чудесно, всем понравилось. Но то, что надо будет идти пешком от точки выгрузки 500 метров со всем этим добром я не подумала. Я думала, что бы приготовить на обед для 50 участников. Здесь мне равных нет.

«Вода замерзла, перебьёмся!..» – промелькнуло в голове цитатой из Сплина. Дрова тоже замерзли. А еще вчера был май. Ночью выпал снег. Ничего, бывало и хуже!

Надо собираться.

Лежу в шатре, как князь под небом Аустерлица. Как здорово готовить под открытым небом: я, 50 человек в костюмах, мы словно в другой эпохе, в другом мире. Женщины занимаются рукоделием, мужчины устраивают турниры на мечях... Мне нравится это разделение ролей, я полностью с ним согласуюсь. Но я услышала зов. Никто кроме меня не мог собрать наш развалившийся клуб исторической реконструкции. Обычно у нас всегда всем руководили мужчины, но в этот раз все пошло не по плану. Никто не хотел брать на себя организацию, сборы... типично мужские занятия. “Что ж, почему бы и да!” – решила я и нарушила традицию.

Снег начал таять, наш микро-автобус подплыл к точке отправления.

Едва мы выбрались из леса, снег полностью растаял. Светило яркое солнце. Это вам не май-чародей, это май-озорник в Хабаровском крае.

Из шатра беззащитно выглядывала примерзшая к заснеженной земле коса. Моя коса примерзла к земле. Я с силой дернула ее. На кой черт я решила взять на себя обязанности организатора?

Открывай

За окном завывал мартовский ветер. В комнате деда монотонно что-то бормотал телевизор, бабушка дремала у его кровати, держа в руке трубку от кислородного баллона. Из гостиной доносился мерный звук настенных часов, подарен-

ных сослуживцами ее мужу: тик-так, тик-так.

Глухой звук хрипа и кашель деда прервали сон бабушки. Она положила трубку на колени и посмотрела на деда.

– Устал я, Наташа, – еле двигая сине-фиолетовыми губами, дед сжимал руку бабушки. – Как ты будешь без меня? Справишься? – он всю жизнь старался для своей Наташи. Она рано бросила работу, а он был счастлив полостью ее обеспечивать.

– Конечно, справлюсь, Женя, – бабушка улыбалась блестящими от подступивших слез глазами.

За окном завывал мартовский ветер. Настенные часы в гостиной отмеряли время. 9:10 тик-

– У нас какая-то доставка сегодня? – спрашиваю у мужа, который с трудом пытается вырваться из цепких лап царства Морфея.

– Нет, – какая может быть доставка в воскресенье утром. Положение этого утра – между подушек.

В дверь настойчиво стучали. Мы настойчиво игнорировали. В дверь барабанили, что слышался треск отходящих от дверного проема наличников. Продолжаем делать вид, что нас нет дома.

В марте невозможно быстро проснуться, в многоэтажке сложно уснуть. А если сон наступил, хочется подольше побыть в нем.

– Может быть мы топим кого? – муж вышел из спальни

и проверил коммуникации, прежде, чем мы услышали крик сквозь настойчивый, непрекращающийся стук в дверь:

– ОТКРЫВАЙ!

– ???

Нас обоих охватило ощущение, что не открыть невозможно. Если мы будем игнорировать стук, нечто просто снесет дверь или иным способом проникнет к нам. Муж щелкнул замком.

Человеческий комок красного цвета влетел кулаком вперед:

– Что у вас тут, нах, за барабаны ???

Муж успел увернуться от смазанного джеба рыжего краснотлица мужчины.

– Какие барабаны? – мой благоверный видел, что вломившийся пьян и не в себе.

– Всю ночь стучал кто тут??? У меня аж ребенок проснулся.

– Пройдите, посмотрите, у нас нет никаких барабанов.

Я успела одеться и стояла у двери, когда сосед открыл ее.

– Ой... здрасьте!.. извините... я не знал, что... – громила принялся расшаркиваться, ощущая очевидную неловкость. Кажется, он начал подозревать, что ошибся.

– Здравствуйте, что случилось? – я сталь, я кремень, я ничего не боюсь.

– Да хер его пойми!.. Барабанит кто-то ночью, у меня сын со страха проснулся «Пап? что это?». Я и подумал, что со-

седи. Всех обошел...

– Так это вообще не в этом подъезде может быть. Тут по плите может резонировать звук, – сдержанность и рассудительность мужа успокоит любого.

– Да херова коробка! Точно... но кто тогда? – удивительно настойчивый человек.

– Кто угодно. В двух подъездах от нас кто-то ремонт делал на первом этаже, нам было слышно, как будто это было в соседней квартире, – а мы на двенадцатом живем.

– Ну и дом! Дурдом. Ладно, извините еще раз, ради бога, – краснолицый раскланялся и попятился к двери.

Мы ни разу не видели его ни до, ни после того, как он вломился.

– Что??? Да... хорошо. Скоро буду, – муж нажал сброс на телефоне и побледнел. – Дед умер.

На часах застыло время 9:10...-так.

Бабушка

Там, за холмами, живут великаны.

Горя не знают, плывут по дорогам

В белых футболках, шелковицы полных,

Белой черешни, упавшей за домом,

Помню я запах яблок в дожде.

Печку большую, косточки в вишне, поле с картошкой,

Платья в горошке.

Нитки цветные, сумка в акации,
Дым из избушки, хлеба краюшки.
Олени на стенах, капает с крыши, тихо... чуть слышно
Рисует бабушка цыплят.
Все спят.

Одиночество

Березы мажут небо акварелью
Лежишь больной в своей постели
В забытом доме старом
Журавль стучит в окно лукавый

На кухне книги и посуда
Тоску разносит тусклый свет
Лежит на стуле серый плед
Я самый одинокий в мире дед

Бессонница

Елка, пихта и кровать
Снова до утра не спать.
Собираясь в кучу с мыслью,
Клубок тайны размотать.
Скомканное одеяло, неудобная кровать,
Подушка слишком много знает,
Простыня может летать,

До рассвета часов пять...

Дворник смел зачатки сна,
Грузчик разгрузил сомнений
К магазину сожалений,
Он ведь это не со зла.
В темных окнах все зима...
Оголтелый ветер дует,
Обрывая провода,
Чтобы вдаль такие мысли
Не уплыли никогда.

Там нет войны, политики и мрака.
Туман, роса, звезда –
Все светит тайной и любовью.
Тот город небольшой
Соединяет все,
Что было, есть и будет.
Сидеть на крыше можно
До рассвета,
Бродить по холмам, обернувшись в туманы, как в шаль,
Реки касаясь голою ногой,
Цветов ночных вдыхать и аромат костров.
Спустившись в комнату по дереву во мху,
Где ждут меня друзья,

Где вся моя семья,
Где я....
Но все рассеялось к утру,
Вернув в реальность, как с прогулки в тюрьму.

Прощай, Тверской!

Прощай район
Тверской —
Истории
Вотчина.
Ты мне отцом не стал,
А отчимом.
Ты был загадкой,
Мистиком
Придуманной,
А стал хвостом
Селедки —
Игрушкой кошкиной.

Я переулка запах
Запомню,
Наверное,
У церкви с куполами синими
Публику
Скверную.
Рассвет на Пушкинской

Мне будет
Сниться,
Подростки пьяные
У дома Сытина
Колесо такси
дымится.

Мне не забыть
Осенней грусти
Ветреной.
Бульвар и пруд,
И в пятнах
Плитка вся.
Соседей милых
Улыбки
Короткие,
И депутатов крикливых
У ресторана
Томного.

Тепло я вспомню
Ночь
На Красной
площади,
И как бегу я
Прочь

Мимо веранды,
На почте
Очередь.
Благодарю за все,
Скучать не буду
Очень я,
Мне надо дальше
Жить,
А здесь не очень
Мне.

Часики не тикают

Затея

– Как же достали эти люди, – сказала высокая худая девушка и мотнула длинным тонким хвостом светло-русых волос.

– Ну мы в центре живем, чего ты хотела? – прищурился ее спутник высокий стройный кудрявый брюнет со стрижкой «шапочка».

– Я хотела бы квартиру с окном в ванной, двумя окнами в гостиной с видом на закат, белую спальню и тихий, почти безлюдный двор. Без ходящих туда-сюда посторонних во дворе.

Молодая пара гуляла в Ботаническом саду. Был май, все

цветло и полные суетливые женщины по очереди делали фото на фоне цветов яблонь, слив, черемухи и сирени, чтобы потом оформить их в рамочку и выложить в Одноклассники. В лесу стоял сладкий запах сиреневых цветов, который из сладко-травяного превращался в дурманящий дымно-пьянящий. Я не знаю, как они называются, сходите сами посмотрите во второй половине мая, весь лес в Ботаническом в них.

Людей действительно было много, велосипедисты и подростки на самокатах жутко раздражали пару. Они 2 года жили в центре Москвы, со среды по воскресенье каждый вечер с 19:00 до 23:00 слушали дурно поющих и играющих музыкантов с одним и тем же репертуаром, а каждые выходные ночью слушали самую безобразную музыку из старых магнитол напротив своих окон.

Они очень хотели отдохнуть от людей, побыть на природе и послушать тишину.

–Слушай, вот было бы прикольно, если бы была такая штука: очки или линзы с наушниками, включаешь их и вместо людей видишь деревья, слышишь пение птиц или там шелест листьев. – Йена мечтательно провела рукой по хвосту и стала изучать его кончик.

– Ага, вон смотри! Старый клен пошел, а вон тополь недоумок на самокате проехал. – у Элгея плохо получалось шу-

тить, и когда получалось, он ощущал некоторое превосходство и ребячью радость одновременно. Тем более, что Йену было не так-то просто развеселить. Ее смех был для него победой.

– Аахах! Рябина на роликах! – Йена сдержанно и как-то несуразно засмеялась.

– Можешь надеть наушники прямо сейчас, – хитро улыбнулся парень с карими, почти черными, в которых не видно зрачков, глазами

– А что там, кстати, с ипотекой, ты не узнавал? Ставки не упали?

– Неа, 20%, есть военная – 16%, – Элгей приложил руку ко лбу, имитируя то, как отдают честь военные, – ну и семейная – 0,1%.

– Нам типа нужно быть семьей, чтобы платить долг до конца жизни? – недовольно скривила тонкие маленькие губы Йена.

– Семей с ребенком. – не моргая посмотрел на нее Элгей.

– Слушай...

– Нет, спасибо, я не хочу детей.

– Да нет, я тоже не хочу... А если нам сделать ребенка, но не физически, а юридически.

– В смысле? – в этот момент ветер забавно приподнял волосы Элгея так, что он стал похож на попугая Карела, выражающего недоумение или страх с помощью поднятого хохолка и вытаращенных глаз.

– Ну в смысле вписать его в паспорт, типа у нас ребенок и взять семейную ипотеку. Семья же, ребеночек вот. – Йена сделала жест, будто качает ребенка на руках.

– А как ты его в паспорт впишешь?

– По свидетельству о рождении.

– А кто тебе его даст?

– ЗАГС.

– Не понятно.

– У меня у знакомой есть хороший знакомый врач, работает в роддоме. Может быть он бы и не отказался от подработки.

– Фиг знает... Попробуй узнать, конечно, но я фиг знает...

– А в ЗАГС-е у мамы знакомая работает. Будет мед.карта, будет и свидетельство о рождении. А с ним мы с тобой станем счастливыми родителями и купим квартиру мечты.

– С окном в ванной, ага. И с решеткой на окне.

– Ой, дурак!

– Ну узнай, конечно, но я думаю там либо сразу пошлют, либо денег надо миллион.

У Акушера

Чат в Телеграме:

«Привет. Ты говорила, что у тебя врач знакомый есть, акушер? Он очень хороший, надежный?»

«Ну да, мы учились вместе, дружим с первого класса.»

«Ему можно доверять?»

«Смотря что, но так я бы с ним в разведку пошла и могу поручиться за него.»

«Слушай, у нас дело деликатное, нужно точно знать, что он не подведет и не разболтает всем.»

«Не беспокойся, если вы его ни о чем незаконном просить не будете, все будет ок.»

«Ну как тебе сказать... Дело тонкое. Нет, убивать мы никого не будем, но хочу быть уверена, что ему можно доверять.»

«Тогда все ок. Он недавно зав.отделением стал. Я предупрежу, что ты от меня, если решишь встретиться с ним или позвонить.»

«Супер! Спасибо большое!»

«Все ок, написала ему.»

– Дорогой, мы идем в роддом! – деловито и довольно произнесла Йена, крася губы в коридоре. Удивительным делом красная помада не делала ее тонкие маленькие губы тоньше, а лицо с заостренными чертами злее.

– Чего? Куда?? – произнес Элгей из кухни, выходящей в коридор. Он сделал вид, что поперхнулся кофе и закашлялся от неожиданности. – Ты реально? – недоумевал он.

– Ну попробуем. Чего мы теряем? – ответила она, любуясь отражением в зеркале, крутясь и рассматривая свои узкие бедра.

– А что на ужин? А в тюрьме сейчас ууужин – ма-ка-ро-

ны, – пытался шутить Элгей.

– Ой, сплюнь, все будет ок.

– Добрый день, мы к зав.отделения акушерства Раздвигайлову. Скажите, он у себя?

– А вы по какому вопросу? – спросила девушка на посту в женском отделении.

– Мы по важному вопросу, нам нужно с ним переговорить. – решительно ответила Йена.

– Если вы по поводу партнерских родов, заполните бланк. – медсестра включила автопилот, на автомате пытаюсь сбереечь врача от назойливости посетителей.

– Мы договорились о встрече, – не сдавала позиций Йена.

– А, вы договаривались... как вас зовут?

– Йена Лютикова. – сказала девушка и гордо выпрямившись, задрала маленький острый подбородок.

– А, ясно. Пойдемте за мной. – медсестра вышла из-за стойки и оказалась удивительно высокой и мускулистой женщиной. Халат и брюки на ней чуть не трещали по швам. Из-за загорелой кожи халат казался еще более белоснежным.

Они шли по коридору, по бокам которого располагались палаты, где лежали беременные женщины. Кто-то из них спал, кто-то возбужденно разговаривал по телефону, сообщая о своем самочувствии и желаниях съесть что-то, кто-то искал врача, а иные – просто ходили по коридору, придер-

живая себя за живот.

Они дошли до конца коридора, повернули направо, где был маленький предбанник, за которым была дверь с табличкой «заведующий отделением акушерства и гинекологии Раздвигайлов Вагтрах Вашотович».

– Вагтрах Вашотович, к вам тут посетители, – намеренно и показательно учтиво сказала медсестра, заглянув в кабинет.

– Да-да, Маринвиктрна, пускай заходят.

Йена чуть не засмеялась, Элгей молчал. Его выражение лица было каменным и выражало солидарность всем людям, имеющим имена, которые можно слышать и трактовать по-всякому, в основном по-обидному.

– Добрый день, я Йена, моя подруга должна была сказать, что я зайду.

– Да-да-да... прошу вас, милая девочка, проходите, – Вагтрах Вашотович был невысокого роста, стройный, седой, в очках, поверх которых он смотрел на собеседника. Из-под халата с чуть засученными рукавами виднелись часы марки Piaget из белого золота с синим циферблатом.

«Хороший знак. Сам он вряд ли бы себе такие смог купить... Или нет? Или это означает, что его ставки слишком

высоки и меньше, чем за 1,5 миллиона он не согласиться...»

– Слушаю, вас, моя милая. – он жестом показал на кресла напротив своего стола, приглашая пару сесть.

– Спасибо, – задумчиво и немного растерянно произнесла Йена, присаживаясь. У нее не было никакого плана, она не знала, как начать разговор.

– Так что вас привело ко мне? Не получается забеременеть? – хитро посмотрел поверх очков Вагтрах Вашотович и облизнул четко очерченную верхнюю губу в форме бантика.

– Видите ли... у нас деликатная просьба. – опустила глаза Йена.

– Я могу помочь, – сказал заботливо Вагтрах и медленно скользнул взглядом с неприличной заинтересованностью с ног до до груди Йены.

Элгей заерзал. Он сидел у двери и совершенно не знал, как себя вести в таких ситуациях, он не умел конфликтовать, но как-то проявить и обозначить себя хотел.

– У нас важное дело и нам нужно знать, сможете вы нам помочь или нет. – строго, насколько это возможно для него, произнес Элгей.

Вагтрах Вашотович словно вернулся из своих грез, перестал смотреть на Йену и вопросительно глядел теперь на Элгея.

– Наши родители очень хотят внуков, – мямлила Йена го-

лосом девушки, недавно увеличившей губы.

– Так-так... вам нужна моя помощь с зачатием, моя милая? – зав.отделением опять отлетел в свои грезы, похотливо осматривая Йену.

– Да не нужно нам зачать! – закричал возмущенный Элгей.

– Спокойно, голубчик, я свое дело знаю. – покровительственно сказал врач. – продолжайте, голубушка, что вы хотите, чтобы я сделал? – мечтательно вопрошал доктор.

– Наши родители... но они далеко, понимаете... А мы пока не планируем... – опустив глаза мямлила Йена.

– Детка, я не понимаю, – заскучал и немного расстроился Вагтрах Вашотович.

– Нам нужен ребенок, но не ребенок, а документ, что он родился. – немного осмелев, произнесла девушка.

– Позвольте? Это как же? Без зачатия и родов? – резко громко сказал Вагтрах Вашотович, поправил очки и смотрел уже через них и без своей недавней неги.

– Ну понимаете... нам надо показать им, что у них есть внук... но мы пока не готовы.. может быть у вас есть какая-нибудь карта или можно сделать документ, что я родила у вас... – уже более уверенным тоном, но с напускной наивностью говорила Йена.

– И как вы намереваетесь предьявить им внука? – кричал врач.

– Мы покажем им фото свидетельства о рождении. – уве-

ренно, выпрямив спину и мотнув хвостом, сказала Йена.

– Да кто же вам его даст? – еще громче вопрошал доктор.

– Вы можете нам помочь или нет? – серьезно и прямо посмотрела девушка на врача.

– Безусловно. НЕТ! – отрезал Вагтрах Вашотович.

– В таком случае, простите за беспокойство. – Йена встала из кресла.

В этот момент единственный, кто ощущал беспокойство был Элгей. Он плохо понимал, что происходит, нервничал и просто сидел в оцепенении с вытаращенными глазами и слегка приоткрытым ртом, который готов был, в зависимости от ситуации засмеяться или округлиться в удивлении.

– Милая девочка, ну как вы не понимаете, – тон доктора сменился снова на ласково-похотливый. Он очень любил деньги, но очень не любил что-то делать и проблемы. Он не хотел отпускать Йену, старался набить цену и остаться не при делах.

– Я поняла, что вы ничего для нас сделать не в силах. – Йена кивнула Элгею приглашая к выходу.

Доктор был задет, для него было невыносимо слышать, что он не на что не годен и осознавать, что возможность получить денег на отпуск, который он планировал провести с мускулистой медсестрой, прямо сейчас ускользает.

– Не говорите так... я очень хочу! Помочь вам, – взмолился Вагтрах Вашотович.

Йена резко повернулась в сторону доктора, отчего ее хвост ударил ее по лицу.

– Так можете или не можете? – она чувствовала, что он у нее в руках.

– Я постараюсь, давайте договоримся. Но без нарушений закона! – доктор старался не подавать вида, что он на крючке.

– Нам нужна карта и все документы, какие вы даете после рождения ребенка каждой женщине. – начала диктовать условия Йена.

– Но как я могу дать ее, если ребенка нет?

– Да вы издеваетесь?

– Нет, я конечно, могу устроить, но вы же понимаете... чем мне это грозит? – доктор перешел к сути, к цене.

– Я похожа на идиотку?

– О, милая моя, нисколько!

– Сколько?

– Давать взятку заслуженному заведующему отделению??? – врач закричал на весь кабинет. Мог себе позволить, ведь стены у него были звуконепроницаемые. Он нарочно заказал себе их во время ремонта, объяснив необходимость требованием тишины для работы, чтобы крики рожениц не отвлекали его от умственного труда. Ну да.

– До свидания. – Йена снова резко встала, хвост пошат-

нулся.

– 200 рубинштейнов вас устроит? – безразлично и быстро произнес доктор, брезгливо поджав трясущиеся губы.

– Договорились.

– Приносите завтра. Наличными.

– Сюда же?

– Ни в коем случае! Я напишу вам в ватсап адрес кафе.

– Когда будет готова карта?

– Завтра.

– Отлично.

– Как назовете?

– Кого?

– Ребенка! Господи, вот ведь недотепы!

– Эээ... Рюрик. – Йена посмотрела на Элгея так, что тот сразу был не против и пола, и имени их ребенка.

– Мальчик, Рюрик, хах!.. Ну вы в курсе, что там все будет задним числом, то есть на плюс-минус неделю? – доктор записал что-то в свой блокнот.

– Ок.

– Фамилию какую и отчество и дайте ваши данные.

– Лютиков!

– Смирный... Элгеев – робко произнес Элгей.

– Хорошо, Смирный. – устало согласилась Йена.

– Что ж, друзья мои! Поздравляю! Вы стали родителями нового члена общества – Рюрика Элгеевича Смирного.

– Нам с этой картой свидетельство о рождении дадут?

- Дадут. И страховку и в поликлинику прикрепят.
- Спасибо. До завтра.
- Всего наилучшего, я пришлю место и время.

Йена взяла Элгея за руку и они поспешили к выходу.

Доктор сидел в раздумьях. Для него такой заказ поступил впервые, он знал, если его поймают, это грозит увольнением и лишением всех привилегий и возможностей. Но 200 рубинштейнов... Он уже предвкушал, как будет тискать Маринвиктрну на собственном пляже в Монте Карло.

– Маринвиктрна, зайди ко мне. – проговорил он в телефон.

– Да, Вагтрах Вашотович. – она была у него через минуту.

– Закройте дверь, – он подошел, обнял ее. – девочка моя, проследи, чтобы эти люди сюда никогда больше не заходили.

– Хорошо, Вагтрах Вашотович. – мускулистая крупная девушка не смела перечить ему.

– И еще... – он уже шарил своей морщинистой рукой у нее под халатом, – и еще, милая, купи купальник поярче, мы с тобой едем в Монте Карло через неделю.

– Дык.. у меня же смены, отпуск не дадут...

– Да-дууут! Пока ты даешь.

Плохой бар

На следующий день наша парочка ждала врача в Door Bar. Они уже 20 минут ждали официанта. Несмотря на то, что зал

был практически пустой, официанты неторопливо общались друг с другом за соседним столиком.

– К нам кто-нибудь подойдет? – прикрикнула на них Йена.

Одна из девушек закатила глаза и лениво с нескрываемым неудовольствием направилась к Йене и Элгею, доставая из кармана карандаш и блокнот.

– Слушаю вас, – протянула она сквозь зубы.

– Нам бы меню посмотреть для начала.

Девушка скрылась из виду.

Прошло еще 15 минут.

– Извините, можно нам меню, – растерянно попросил уже Элгей у проходящей мимо официантки.

– Да. – сказала та и исчезла.

Недовольство Йены лилось через край, она уже была готова уйти, как вдруг на пороге зала, где они сидели (это был третий, зеленый зал, рядом с ванной, которая призвана эпатировать публику, но выглядела так же нелепо, как старая провинциальная проститутка в музее), вошел наш доктор в пальто и с папкой в руках.

Его радостно приветствовали все официантки, некоторые целовали его, бармены жали руку.

– Приветствую! – радостно и громко закричал Вагтрах Вашотович, протягивая руку для приветствия сначала Йене, потом Элгею.

– Все готово? – низким и слегка гундосым голосом про-

изнесла Йена.

– У меня все готово, а у вас? – довольно и игриво громко ответил доктор.

Он открыл папку и показал медицинскую карту, подписанную «Смирный Рюрик Элгеевич». Документы, выписки, анализы, даже печати. Все было настоящим, по крайней мере выглядело так же, как и карта любого человека, посещающего поликлинику.

Элгей сидел и не совсем понимал, что происходит, пытается поймать официантку. Та же, проходя мимо, заметив Вагтраха Вашотовича, засуетилась и подбежала целовать его.

– Вагтрахик, тебе как обычно, дорогой? – она села к нему на колени.

– Да, Валюша, принеси мне и моим гостям. – он оглядел парочку, показывая на них глазами Валюше.

– А можно мне сладкий чай с молоком! – поднял руку Элгей.

– У нас такого в меню нет. – брезгливо улыбаясь отрезала Валюша, встала с коленей доктора и ушла.

– Вам понравится! Хороший бар.

– Да уж, минут 40 меню ждем. – Йена скрестила руки и мотнула хвостом.

– Ахаха! Здесь так не делают. Вы новички. Ну да ладно. Карта в порядке? – рассмеялся по-приятельски Вагтрах Вашотович.

– Да вроде все ок, – Йена протянула конверт врачу.

– Стоп-стоп-стоп.. давайте под столом. – почти шепотом с опаской сказал доктор. Йена протянула конверт под столом врачу, он быстро прикрыл его краем плаща и убрал в карман.

– Что ж. Хорошо. Я сейчас отойду, а вы дождитесь коктейлей. Я угощаю. – улыбаясь и оглядываясь доктор направился к туалету.

– Сидим ждем, – железным тоном сказала Йена Элгею.

Минут через 5 вернулся Вагтрах Вашотович. Он шел рядом с официанткой, что несла поднос с тремя зелеными коктейлями в мартинках. Доктор был очень доволен и слегка то ли прихрамывал, то ли пританцовывал.

– Что ж, друзья мои! Давайте выпьем за знакомство! – поднял бокал зав.отделением.

Йена наклонила голову вправо, отчего ее хвост тоже ушел направо, дождалась, когда Элгей возьмет бокал и подаст ей, чекнула со всеми и пригубила зеленый коктейль.

В этот момент в зале музыка стала громче, свет приглушили, световое сопровождение стало ярче и чаще мигать. В бар зашла толпа немолодых мужчин в костюмах с горящими взглядами.

– Депутат Пронька приехал! – закричал кто-то из бара. В баре слышались радостные возгласы, многие начинали танцевать.

– Нам пора. Спасибо, до свидания. – кричала сквозь громкую музыку Йена.

Она взяла за руку Элгея и быстро повела его к выходу.

В ванной, что стояла у бара сидела танцовщица, едва увидев толпу, она закричала «Депутат Пронька!» и стала танцевать. Депутат в пальто и костюме с бутылкой шампанского в руке залез к ней в ванну, они обнялись и пустились в пляс.

На улице у выхода из бара Йена с Элгеем попали в толпу, кричащую «нет ой, нет!». Толпа была плотной и быстро двигалась по Тверской в сторону Пушкинской площади. Кто-то толкнул Йену и она выронила карту, Элгей попытался поднять ее, в это время к нему подбежали полицейский, скрутили ему руки и поволокли из толпы.

– Отпустите его! – кричала сквозь толпу Йена.

В этот момент толпа волной двинулась вперед, к Йене подбежало три полицейских, скрутили ей руки, ударили по голове и понесли прочь.

Невинно осужденные

Очнулась Йена в автозаке, где было холодно и душно одновременно, сильно пахло выхлопными газами. Автомобиль был полностью набит людьми. Девушка с синими волосами и короткой челкой, что сидела рядом предложила Йене полулитровую бутылку воды.

– Что за хрень? Куда нас везут и с какой стати?

– Добро пожаловать в реальность. – ответила девушка с синими волосами. – Нас везут в неизвестном направлении, но мы не боимся, потому что каждый имеет право говорить «нет ой, нет!».

В этот момент полицейский, что стоял у входа пригрозил девушке дубинкой.

– Какое еще «нет ой, нет!»? Мне домой надо. – не понимала Йена.

– Это наш душевный протест, тебя задержали с нами. Ты с нами. – сказал ей парень с белыми длинными волосами, сидящий рядом с синеволосой девушкой.

– Какой протест??? Я шла домой. Мне к ребенку надо, я родила неделю назад. Вы обалдели что ли??? – прокричала Йена.

– О, да у нас тут мать. Опомнилась. Думать надо было, когда шла на митинг! Таким рожать вообще нельзя. – пригрозил ей полицейский.

– Выпустите меня, у меня грудной ребенок дома. Я не участвовала ни в каких митингах! Я шла домой! – протестовала Йена.

– Спокойно, мамаша. Щас приедем, разберемся кто куда шел и где участвовал.

– А где мой муж?

– В соседнем отеле. Заселяется, – засмеялся полицейский.

– Да вы издеваетесь???

– Успокойся, если мы выясним, что ты не врешь, будешь дома через пару часов.

– Принимай щеглов! – сказал полицейский проводя Йену и еще несколько человек в какой-то старый кабинет, похожий на полицейский участок с зелеными стенами и прокурорным тамбуром.

На лавочке у дежурной части сидели еще люди, там же Йена увидела Элгея.

– Эээлгей! – крикнула она и ринулась к нему, но полицейский быстро осек ее и направил в кабинет.

Элгей грустно проводил ее тревожным взглядом.

– Так, вы у нас тут мамаша? – спросил старший лейтенант милиции, сидящий за столом в кабинете, куда ее и еще несколько человек завел полицейский, что сопровождал их.

– Я мать грудного ребенка, мне домой кормить его надо.

– Что вы делали на Тверской сегодня с 19:00 до 21:00?

– Я здесь живу. Шла мимо.

– А как вы оказались в толпе?

– Мы зашли в бар, вышли и пошли домой, а нас как каких-то преступников скрутили и отправили сюда.

– Вы шли в толпе людей, нарушающих общественный порядок.

– Я шла домой к ребенку. В толпе у меня кто-то вытащил

его медицинскую карту.

– Карту, говорите...

– А зачем вы ее взяли с собой?

– Чтобы прикрепить его к поликлинике. Он родился неделю назад.

– Так вы, стало быть, шли в поликлинику? А как же вы оказались в баре?

– Нам не хватило документов для прикрепления. На обратном пути мы зашли выпить чая в бар. Ждали там официантку 30 минут, не дождалась, вышли на улицу, чтобы пойти домой, попали в толпу, карту выронили...

– Понятно, – полицейский стучал зажигалкой по столу.

– А почему именно в бар? Ни в кафе, ни куда-то еще.

– Он был ближе, муж хотел зайти туда.

– Муж? А где ваш муж?

– Он в коридоре сидит.

– Позовите мужа!

Полицейский попросил Йену показать, кто из сидящих на скамейке ее муж, и позвали его в кабинет.

– Вы муж?

– Чей? – Элгей как всегда тупил.

– Мой, блядь! – крикнула Йена, злобно посмотрев на него.

– Да, это моя жена.

– Ясно, – старший лейтенант оперся руками о стол и встал, пристально глядя на Элгея.

– И что вы делали на улице?

– Мы домой шли.

– А где вы живете?

– На Тверской.

– А документы есть?

– Есть, вот, пожалуйста. – Элгей протянул паспорт и договор аренды.

Допрашивающий их полицейский внимательно изучил документы и вернул их Элгею.

– А что вы делали в баре?

– Да зашли чая выпить! – сказала Йена.

– Мамаша, я вас не спрашивал.

– Зашли выпить чая, – повторил Элгей.

– И как чай? Это он заставил вас пойти на митинг? – продолжал допытываться полицейский.

– Какой митинг? – Элгей был спокоен, но плохо соображал.

– Ясно. Так. Сейчас я составлю протокол, а вас пока ответят в приемник. Посидите до утра, а там видно будет.

– Какой до утра??? Мне ребенка кормить надо! – запротестовала Йена.

Элгей с недоумением посмотрел на нее. В этот момент полицейский прищурился.

– Это ваш ребенок? – спросил он у Элгея.

– Наш.

– Как зовут?

– Рюрик, – ответила за Элгея Йена.

– Мамаша! Я вас не спрашивал!

– Мой сын, Рюрик. – ответил Элгей.

– В приемник их!

Йена пыталась протестовать, но ее и Элгея вывели и развели по разным кабинетам, точнее спецприемникам, а которых сидели молодые люди. Вместо одной из стен в которых была решетка.

Йена сидела на корточках, прижавшись к стене. Рядом с ней оказалась та самая девушка с синими волосами, что угощала ее водой в автозаке.

Она достала из-за пазухи папку и протянула Йене.

– Держи, это кажется, твое. Выпало у тебя, когда нас крутили.

Это оказалась медицинская карта.

– Спасибо! – радостно воскликнула Йена и прижала карту к себе.

– Как ты? Наверно беспокоишься о малыше? У тебя грудь не течет?

– Да... Что??? – Йена на секунду забыла, что она неделю назад стала матерью и от стресса не могла сообразить про

какую грудь говорит девушка.

– Нет, спасибо. Все в порядке.

– Покажи ментам карту, тебя должны выпустить. – участливо сказала синеволосая.

– Ээээй!!! – крикнула Йена проходящему мимо полицейскому.

– Не орите, а то в одиночку посажу на 15 суток.

– Да подойдите! Мне к ребенк грудному надо.

Полицейский подошел, Йена вытянула карту через решетку и трясла ею.

– Что это за безобразие? – не понимал полицейский.

– Позовите главного, мне нужно показать ему карту ребенка. Я шла домой, а меня скрутили и увели сюда. А я просто мимо проходила.

– Дамочка, это вам не ресторан. Вы думаете, можно так просто вызывать кого захотите? Вы за решеткой.

– Вообще-то мне адвокат полагается.

– Пф... вот сидите и ждите.

– И как же мне ему позвонить?

– Никак.

В этот момент по коридору проходил старший лейтенант, который допрашивал их.

– ЭЭЭЭЙ!!! – крикнула ему Йена. Он обернулся, потом посмотрел на полицейского, который стоял рядом с решеткой, из которой виднелась рука Йены с картой.

– В чем дело? – наконец подошел он.

– Карта! Вот карта моего ребенка. Мы шли из поликлиники... отпустите меня! Вот же! Возьмите! – она трясла картой перед ним.

Полицейский взял карту, покрутил в руках и отдал старшему лейтенанту.

Тот взял ее, полистал и спросил:

– А что же вы раньше ее не показали?

– Так я выронила ее и мне скрутили руки! Я сознание потеряла! Отпустите меня к ребенку!

– Хм... похоже, что вы не врите.

– Можно мне домой? Я ни в чем не виновата!

Старший лейтенант постучал картой по решетке, пристально посмотрел на Йену, потом на полицейского, подумал и ответил:

– Можете быть свободны. – он вернул карту Йене. – Но впредь, не гуляйте во время беспорядков и будьте аккуратны. Гена, открой и выпусти гражданку.

– Хорошо. А мужа моего можно отпустить?

– Да, он тоже может идти.

Был рассвет. Йена и Элгей сидели на кухне и курили. На столе лежала карта. Грязная, потрепанная. Как будто будто вымышленного, едва родившегося Рюрика уже изрядно потрепала жизнь.

Йена держала сигарету перед собой, оперевшись локтями на стол, глядя в пустоту, затягивалась и выпускала дым вверх.

– Это пиздец... – сказал Элгей.

– Зато у нас карта. – задумчиво смотрела на улицу в первых рассветных лучах сказала Йена.

– Я думал нас там изнасилуют и убьют. Или посадят.

– Дурак что ли? Я же мать!

Элгей засмеялся так, что кофе брызнул у него из носа.

– Да, точно. Ты теперь мать. Можешь в статусе в Вк писать теперь #яжмать.

– Агааа... – ладно, вытри кофе со стола и пошли спать. Нам сегодня еще в ЗАГС идти.

– Не многовато ли приключений? Может перерывчик сделаем? – Элгей вытер рукой подбородок и повернулся к раковине, чтобы взять губку.

– Сегодня 18 мая, я не знаю, сколько времени делают свидетельство о рождении и сколько нам понадобится, чтобы вписать ребенка в паспорт. Но я точно знаю, что акция у застройщика до конца месяца. Мы так еще рубинштейнов 500 можем сэкономить, если успеем.

– Я тя понял, ок.

В ЗАГС!

Очередь на регистрацию рождения, разводов, браков и

смерти была одна.

Перед Йеной и Элгеем сидела одна седая вдова в темной платье и кружевном черном платке на голове и любопытная еврейская семья: мать, ее сын и невестка. Причем, понять с первого раза цель их визита было не просто.

– Мама, я утомился или мне сделали нервы? – спросил сутулый стройный мужчина в шляпе и черном костюме.

– Фима, ты проголодался! – отвечала полная, сильно потеющая дама.

– Да хватит вам! Мы полчаса назад ели, – подключилась невестка – крохотная девушка с большими зубами, тоненьким хвостиком кудрявых волос в вязанном бордовом очень скромном платье и старомодных туфлях, такие носят бабушки с больными ногами, люди с плоскостопием или артритом.

Йена посмотрела на свои наручные часы с большим циферблатом, и продолжила тайком наблюдать за семейкой.

– Нет. Наша с Фимой квартира останется нашей, – говорила полная мать. Часть разговора Йена пропустила, так как отвлеклась на входящую в кабинет вдову.

– Но это мои родители купили ее нам, и мы там живем, – отвечала невестка.

– Нет, подождите... если квартира приобретена в браке, то она принадлежит мужу и жене пополам, – начал рассуждать сын.

Одна из дверей в коридоре ожидания открылась, откуда выглянула голова женщины неопределенного возраста, с зачесанными в небрежный пучок сальными волосами. На ней были очки в толстой оправе с увеличительными линзами, откуда в непонятном направлении смотрели два голубых сильно косящих глаза.

– На получение свидетельства о рождении кто? – сказал она и прищурилась.

– Мы, – быстро встала Йена и пошла за ней в кабинет. Элгей поплелся за ней.

– Пожалуйста, документы. – указала на стол сотрудница ЗАГСа. На ее бейджике блестела надпись «Разводова Уза Олеговна».

Йена положила на стол все документы.

– Минуту, – Уза Олеговна просмотрела все документы, собрала их в стопку и отнесла своей коллеге, что сидела по соседству за перегородкой.

Элгей и Йена занервничали. «Неужели не выйдет?» – думала Йена.

– Щас они по базе пробьют, Вагтрах Вашотович напртачил и мы вернемся обратно за решетку. – шептал ей Элгей.

– Не носи чушь! У нас все оформлено как надо.

Уза Олеговна посоветовалась с коллегой и вернулась без документов:

– Свидетельство о браке у вас с собой?

– Да-да, вот, пожалуйста, – суетливо и быстро протянула документ Йена.

– Благодарю. Ожидайте.

Женщина опять ушла к своей коллеге. Они шептались, Уза Олеговна периодически выглядывала из-за перегородки, смотря в сторону молодых людей. Было сложно сказать, на них она смотрела или на часы, что стояли на ее столе, но все это жутко нервировало Йену. Она гладила себя рукой по хвосту, поправляла воротник на короткой спортивной куртке. Движения ее были резкими, рублеными.

5 минут тянулись как целая вечность.

– Берите ваши документы и пройдемте за мной. – наконец отошла от стола коллеги Уза Олеговна.

На ватных ногах Йена и Элгей пошли за ней. «Ну все, нас ведут в охрану» – думал Элгей. Йена побледнела, ее хвост бил по плечам от ее резких шагов, которых она не чувствовала.

Они прошли на второй этаж по мраморной лестнице с прибитым к ней красным ковром, повернули налево и прошли по длинному коридору, по бокам которого было много высоких дубовых дверей – кабинетов без надписей. Потом снова повернули налево, прошли за одну дверь. Снова коридор. Сердце Йены билось в такт с движениями ее хвоста и

звуком шагов Узы Олеговны.

Она не могла придумать, что говорить, если их поймают. «Врать до последнего или сразу признаться?» – думала Йена и перебирала в голове всевозможные варианты, но никак не могла успокоиться и сосредоточиться.

Они все шли и шли...

– А где ваш малыш? – прервала нервное молчание и топот шагов Уза Олеговна.

– Он дома. С мамой. С моей мамой... В смысле с бабушкой. – запинаясь, ответила Йена и почувствовала, как ее высокий лоб покрылся испариной. Она провела по нему рукой, потом по хвосту до самого его конца и перекинула его за спину, улыбнувшись работнице ЗАГСа.

Элгей чуть ссутулившись ждал часа расплаты за их ложь. Его глаза были вытаращены, рот чуть приоткрыт, спина округлена, плечи скруглились, словно прикрывали грудную клетку.

– Какие молодцы. А то знаете, все идут с детьми, с грудничками за документами. А дети плачут, им же это все стресс в таком маленьком возрасте. – добродушно ответила Уза Олеговна.

– Ну да, решили оставить дома, процедура вроде же не долгая, а живем мы тут, рядом... – Йена немного успокоилась, но все еще ожидала чего-то плохого.

Они подошли к очередной высокой дубовой двери, Уза Олеговна постучала, заглянула и пригласила войти пару.

– Поздравляю с новым москвичом! – торжественно сказала она, взяв на столе зеленый документ. – Все, ваше свидетельство готово!

– Готово? – Йена не верила своим ушам. Элгей глупо улыбался, облокотившись о стену у дверного проема.

– Да, мы работаем быстро. А документ на материнский капитал через Госуслуги закажете. Ну знаете как, да?

– Ка.. капитал, какой? – Йена совсем забыла, что даже на одного ребенка полагается материнский капитал.

– Ну вы даете!

– А, да, спасибо. Спасибо вам большое. – пролепетала она, стараясь взять себя в руки и осознать, что у них все получилось.

– Да нее за что! – улыбнулась Уза Олеговна, отчего ее косые глаза превратились в две узкие полоски. – Ну, всего вам доброго! В добрый путь!

Йена сжимала в руке свидетельство о рождении, а еще свои маленькие губы. Ноздри ее были расширены, стянутые в хвост, волосы у лба блестели от испарины и жирнились. Элгей по-прежнему глупо улыбался и плелся за ней.

Они шли пешком по 1-Тверской-Ямской, потом по Тверской. В воздухе стояла пыль от пробок и от того, что давно не

было дождя. Туристы заглядывались на дома, матерящиеся рабочие сбивали лепнину с фасада, собаковод из соседнего подъезда вел свою свиту из 5 собак, держа в руке букет поводков, эскортницы с рыбьими губами смотрели в телефон и делали селфи.

Йена готова была разрыдаться, крепко прижимая к груди документ. У нее было чувство, что она действительно родила, родила в мучениях.

До дома они шли не разговаривая, она крепко прижимала свидетельство о рождении так, как прижимает к груди мать своего ребенка после разлуки или чего-то плохого, но вот он с ней, он принадлежит ей, теперь они вместе и все будет хорошо.

Фотоальбом

Уже дома, отдохнув и придя в себя, Йена узнала, что не обязательно вписывать в паспорт ребенка. Для ипотеки было достаточно свидетельства о рождении.

Они договорились с застройщиком, встретились с ним и купили квартиру своей мечты. С окошком в ванной, двумя окнами в гостиной, тихой спальней и вместительной гардеробной.

Они сделали там ремонт, купили мебель, обустроились. Остались какие-то мелочи типа цветов, картин и прочего декора, которые Йена постепенно докупала. Конечно, ведь пла-

теж по ипотеке был всего каких-то 10 рубинштейнов, это как в магазин сходить пару раз.

И вот однажды, думая, где лучше поставить горшок с плющом в большой ванной, она позвала Элгея.

– Эл, слушай! Нам наверно нужны будут фотографии ребенка.

– Хм... а зачем? – крикнул ей Эл, отрываясь от игры в Доту.

– На случай, если кто-то решит проверить или там... в армию же его могут забрать.

Элгей снял наушники и вышел из-за стола и подошел к Йене в ванную комнату.

– В армию? Но Рюрику всего 3 года.

– Или в садик...

– Я тебя понял. Фото можно сделать, без проблем. Мы даже сами справимся с этим. Я где-то видел приложение, которое может сгенерить фото как будет выглядеть ребенок. Нужно только загрузить наши с тобой фото и все.

– Нужен и младенец и более взрослый. Я бы вообще его фоток лет до 18 наделала. Если норм получится, можно и в рамку поставить. Сделать семейные фото, опять же. Мама с ума сойдет, – засмеялась Йена. Она, наконец, нашла место для плюща и довольно смотрела, как хорошо он встал на полку с зеркалом у окна.

– Погнали, я щас все найду. – Эл пригласил ее к своему

рабочему месту.

Его стол был из спиля старого дуба – кусок толстого ствола с виднеющимися кольцами был залит эпоксидной прозрачной смолой, ножки были из окрашенного в черный кованого металла. Стол стоял вплотную к стене сбоку у второго окна в гостинной.

Элгей нашел приложение, загрузил в него свое и фото Йены и получил фото розовощекого младенца. Все младенцы выглядят примерно одинаково. Так что тут вопросов у них не возникло. Они купили платную версию программы, позволяющую им делать таких нейростеный детей взрослыми.

Наделали кучу фотографий до 18-летнего возраста, некоторые выгрузили в png, чтобы легче потом можно было наложить на семейные снимки.

Получился молодой человек со слегка выющимися темно-русскими волосами, немного похож на девушку, с прямым среднего размера носом, большими зелеными глазами, высокого роста. Он вышел очень красивым и похожим на родителей.

– А ничего такой, может, заведем ему инстаграм? – хитро улыбнулась Йена.

– Надо ему, наверно, личность придумать тогда.

– Ничего не надо. Будем оба вести его, ты будешь писать

что-нибудь про игры, а я буду фото делать.

– Ну ок. Только это... ему щас 3 года...

– А, ну да... Вернемся к этому, если не забудем и если еще будет инстаграм и тик-ток лет через 10-15.

– А пока расчехляй фотошоп, будем делать семейные фото. Ему еще надо фото на паспорт наверно... Блин, там же он сам должен его получать...

– Может он заболел или найдется понимающая знакомая в паспортном столе.

– А она там и вправду есть, главное, чтоб через 11 лет она там все еще работала.

Йена с Элгеем наделали примерно сотню или две фото своего несуществующего сына: младенцем, – такие трогательные фото, где он спит в пушистом костюме зайца, 3-х летним, где он бежит по полю с ромашками, 7-и летним в школе на линейке с гладиолусами, бросающим мяч с отцом на баскетбольной площадке, 14-летним подростком с брекетами на зубах, 18-летним – молодым, сформировавшимся юношей.

Минус 24 года

Прошло 11 лет.

Долг по ипотеке был давно выплачен, радость от владения квартирой прошла. Эл и Йена жили спокойной размеренной жизнью: работали, отдыхали, ездили в отпуск. Сделали еще один ремонт, обновили что-то из мебели.

Своих детей они не заводили, была возможность, но им совершенно не хотелось терять тот уровень комфортной жизни, к которой они уже привыкли за столько лет.

Надо сказать, что никаких проблем с ребенком у них не было: никто не звал его в детский сад, из поликлиники не требовали прививки и медосмотра.

Пришло время делать паспорт. Фото было готово. Заявление на получение тоже. Даже назначена дата явки. Но знакомая, работавшая в паспортном столе умерла, да и паспорт можно было теперь получить только в МФЦ.

– Слушай, мы хотели купить квартиру, мы ее купили. Зачем нам паспорт делать ему? Чтоб его в армию забрали? А если все вскроется? – Элгей за эти годы стал спокойнее, увереннее и рассудительнее. У него появилась легкая седина на висках, стрижка стала короче, но кудри так же вились, слегка спадая на левую сторону.

– Затем, чтобы нас не поймали. – Йена сидела в бархатном темно-зеленом кресле, глядя в окно гостиной на плывущие облака. Они жили на 12 этаже.

– Так если и поймают, дело уже сделано, ипотека выплачена, квартиру у нас не отнимут.

– Я считаю, что паспорт нужен.

– А если через 4 года начнут повестки из военкомата слать?

– Значит отправим сына отдавать долг родине.

– Ты как себе это представляешь?

– Придется отвалить денег, но не за то, чтобы его не взяли в армию, а наоборот.

– Чушь какая-то. Как можно отправить на медосмотр человека без человека?

– По документам можно сделать все, что угодно.

– И как же ты думаешь это можно сделать?

– Не знаю. Давай пока подумаем, как нам получить паспорт.

Йена болтала ногой, держа себя за хвост.

– А что, если мы тебя загримируем и отправим как будто ты и есть Рюрик?

– Мне 38 лет, а ему 14. Разница не великовата?

– Да кто заметит? Может у Рюрика была тяжелая жизнь и потом... вы так похожи, а у меня есть знакомая, которая делает профессиональный грим для актеров. Закрасит тебя так, что родная мать не узнает.

– Блин, идиотизм...

Йена грозно посмотрела исподлобья на Элгея.

– Ну класс... может, мне за него еще в армию сходить?

– На медосмотр. Это идея. И платить не придется.

– Ага, а служить ты меня тоже отправишь?

– Успокойся, все нормально будет. Я сейчас позвоню гри-
мерше, получишь паспорт. А насчет армии подумаем. Мож-

но же по контракту.

– Ты меня решила в горячую точку отправить???

– Спокойно. Мы же хотели домик за городом? Посмотри, сколько за службу по контракту платят?

– Ты решила избавиться от меня?

– Смотри, за службу в горячих точках – 200 рублинштейнов в месяц... за инвалидность 1500 рублинштейнов одновременно. За потерю... семья погибших получает единовременную выплату 7000 рублинштейнов. Нам хватит на дом за городом. Подумай.

– Ты реально хочешь, чтобы я пошел служить и меня убили?

– Нет, ты что. Я хочу, чтобы наш сын получил паспорт и отдал долг родине, а мы имели возможность ездить за город в свой дом отдыхать.

– Ладно, манипуляторша... Звони своей гримерше. За паспортом я схожу, но в военкомат сама пойдешь.

Йена довольно улыбалась, глядя в телефон и листая записную книжку в поисках номера Нанны – профессионального гримера.

– Нанна, привет! У меня к тебе очень необычная просьба. Ты могла бы моего мужа загримировать в 14-летнего?

– Господи... что решила попробовать, каков он был несовершеннолетним?

– Аахах! Ну да, ты же меня знаешь.

– Если бы не знала, позвонила бы в психушку.

– Йен, могу, конечно. Тебе когда нужно?

– Да можно... сегодня?

– Нет, сегодня не могу, у меня съемки, можно послезавтра вечером.

– Не, Нан, надо утром или днем максимум.

– Тогда давай в воскресенье.

– И лучше в будни.

– Да ептава!.. у вас брачные игры по будням только что ли проходят?

Элгей сидел за своим столом, закрыв лицо рукой. Ему было безумно стыдно слушать этот разговор.

– Хорошо! Договорились, во вторник в 10 утра. Все, супер! Буду ждать!

Йена положила телефон на подоконник и подошла к Элгею.

– Во вторник ты идешь за паспортом.

– Нет слов.

В назначенный час с небольшим опозданием на пороге дома Элгея и Йены стояла женщина неопределенного возраста в коричневом длинном стеганом пуховике, с грузинским носом, рыже-каштановыми волосами, окрашенными в технике шатуш.

– Привет, затейникам! – сказала она слегка скрипучим голосом. Плюс ко всему она была немного простужена и говорила в нос.

– Заходи! – помогла ей снять пуховик Йена.

Грим занял почти три часа. Все это время Йена и Нанна пили шампанское и много смеялись, Элгей изредка хихикал и сильно волновался, чтобы не опоздать.

– Прыщи рисовать? – краснея от смеха, спросила Нанна.

Йена с гримершей склонились, критично осматривая фантастически помолодевшего Элгея.

– Давай пару воспалений сделаем. На подбородке и на носу. – Йена аж хрюкнула от смеха.

Встреча в МФЦ для получения паспорта была назначена на 15:00. Элгей еще не знал, как ему ехать: одному или с захмелевшей Йеной. Так же он не понимал, как ему в принципе выйти из дома, когда там была Нанна, которой ничего не известно.

– Ну вот. 24 года долой и пара прыщей! – отложила в сторону кисть и спонж Нанна.

Они молча смотрели на Элгея. Он был вылитый Рюрик, только глаза карие и волосы темнее, да еще с легкой сединой. Этот момент они не учили.

– Нан?

– А?

– А у тебя нет случайно зеленых линз и коричневого парика?

– Чтооо? Ты смотрю вошла во вкус.

– Нет-нет. Ну может есть, было бы вообще прикольно, всегда хотела посмотреть, как Элгей выглядел бы с зелеными глазами и каштановыми волосами.

– Слушай, вообще нет, но сегодня чисто случайно есть.

Она достала старый женский парик – короткая дурацкая прическа, какие носят бабушки и темно-зеленые линзы.

Линзы оказались подходящими, перекрывающими карий цвет глаз, а парик выглядел на Элгее странновато.

Девушки смеялись, резко прерывались, чтобы посмотреть на Элгея и снова заливались смехом.

– Девчонки, я понимаю, вам очень весело, но я чуть не забыл, мне же в МФЦ сегодня надо.

Йена резко перестала смеяться и уставилась на Элгея.

– В таком виде тебе все двери открыты! – смеялась Нанна.

– Слушай, а грим не потечет? Я смогу туда-обратно сгонять без проблем? А то забыл, но не смывать же столько часов трудов? Он будет держаться несколько часов? – Элгей был рад, что придумал причину, чтобы выйти.

– Ты его при все желании без специального средства не смоешь. Ну разве что прыщи могут отвалиться, я их натуральными делала, как будто это твои, с корочками.

– Фуу.. – посмотрел в зеркало Элгей. – Ну ладно. Это все очень весело, но мне нужно отъехать за одним документом, а потом я сразу вернусь и мы продолжим веселиться.

– Да я не против, мне самой, правда, надо уже бежать. Тебя подвезти?

– Я тогда с Элгеем поеду, да, Нан, если не сложно, закинешь нас по дороге в МФЦ, он вроде в твоём районе, если ты домой.

– Да, собирайтесь.

Это ЗАГС или МФЦ?

Ровно в 15:00 Йена и Элгей вошли в МФЦ района Отрадное. Взяли талончик, перед ними был 1 человек.

Они молча ждали своей очереди и решили идти за паспортом вместе, как мать и сын. Это был первый Рюрика в свет.

Йена старалась не смотреть на Элгея, выглядел он, честно говоря, как идиот в этом парике. Но лицо было фантастически похоже на фото для паспорта, это и смешило и одновременно смущало Йену. Она не знала, как ведут себя матери с 14-летними сыновьями.

– Талон номер Б028. Пройдите в окно номер 33.

– Это нас. – сказала Йена по-взрослому. – Элгей, идем.

Высокий парень с зелеными глазами, молодым, слегка прыщавым лицом в парике, который он как будто стащил у бабушки, что сидела на лавке в соседнем дворе, неуверенно пошел со своей мамой в сторону окна номер 33.

– Здравствуйте, на получение?

Йена замерла. Элгей смотрел на женщину в окошке и ничего не понимал. Это была невысокого роста пожилая женщина с пучком сальных, выбивающихся волос в больших очках с увеличительными стеклами и сильно косящими голубыми глазами.

Йене от страха показалось, что она оказалась в фокусе этих раскосых глаз, когда непонятно, куда они смотрят. Казалось, что смотрят они именно на нее.

«Разводова Уза Олеговна» – было написано на табличке и стеклянной перегородки, отделяющей их от сотрудницы МФЦ.

Йена вспомнила, что эта же дама выдавала им свидетельство о рождении. Элгей тоже начал что-то подозревать, от чего его глаза увеличились, а спина приобрела ту самую сутулость неуверенности.

– Ну чего замерли? – прервала их тревожное молчание Уза Олеговна.

– А, да, извините. Здравствуйте! Вот, да, мы за паспортом. – отдала талончик и свидетельство о рождении Йена.

– Оооо... – открыла свидетельство о рождении Уза Олеговна.

Элгей начал потеть, особенно у него вспотел и чесался нос, но из-за грима он боялся почесаться, чувствуя, как двигается прыщ на его лице, когда он двигает носом. Еще у него сильно зудела кожа головы под париком, но он мужественно терпел, опасаясь, что может сдвинуть этот дурацкий парик.

Йена смотрела, как лучше бежать к выходу, если сейчас обман вскрыется и вызовут охрану.

Уза Олеговна повернула голову в сторону Элгея, но фокус глаз снова был в непонятном направлении.

– Он так быстро вырос или вы пытаетесь меня разыграть?

Йена не чувствовала ног, ее лоб покрылся сильной испариной и сильно блестел.

– Простите? – старалась взять себя в руки Йена.

– Это я вам подписывала свидетельство о рождении, неужели прошло 14 лет? Вы не разыгрываете меня?

– Да, время прошло... а что? – прерывистым голосом проскрипела Йена.

– А то знаете, многие приходят и пытаются надурить меня! Думают получить документы, обманув меня! Мол я ста-

рая, плохо вижу и можно меня обдурить! Я бы таких лично руками бы душила! Чтобы в нашей стране так поступать! Гадды! – громко и эмоционально выпалила Уза Олеговна.

– Но нам просто нужно забрать паспорт. – как можно спокойно, тихо и уверенно проговорила Йена.

Элгей никогда не чувствовал себя таким испуганным идиотом. Он не мог терпеть зуд, взял ручку у окна и принялся чесать ею затылок.

– Конечно, я вижу, что вы не такие. Извините меня, просто какие-то придурки весь день ходят, уже нервов не хватает. Ждите, я сейчас принесу ваш паспорт. – Уза Олеговна удалилась.

Йена смотрела на Элгея, как тот неловко сует ручку в парик и пытается почесать себя.

– Прекрати! Как вшивый какой! – со сдерживающим раздражением прошипела она сквозь зубы и отвесила ему подзатыльник, вырвав ручку.

– Ну мааам... – Элгей вошел в роль.

– Не мамкай! – Йена скрестила руки на груди. – Веди себя прилично.

Несмотря на то, что на них никто не обращал внимания, Йена думала, что все смотрят только на них. Элгей потупил глаза, в этот момент сотрудница МФЦ (а некогда и ЗАГСа) вернулась с паспортом, протянула его и какой-то лист для

подписи Элгея.

Элгей замер. Он чуть было не поставил свою подпись, но осекся.

– Можно мне?...

– Бумажку потренироваться? Держи, – протянула исписанный чужими подписями, лист Уза Олеговна.

Он поставил букву Р. и закончил так же, как в его собственной подписи – коротким Спр и подчеркивающей всю подпись, завитушкой.

– Ну вот, теперь вы полноценный гражданин! Поздравляю! – положила на стол паспорт Уза Олеговна.

– Спасибо, – смущенно улыбнулся Элгей.

– Так, стоп, подождите, – резко сменила тон сотрудница МФЦ.

Йена слышала, как бьется ее сердце и течет капля пота по спине.

Элгей был готов снять парик и чесать себя до крови на глазах у всех. В районе висков у него висели две капли пота, отчего голова чесалась еще сильнее.

– А, нет... все в порядке. Всего доброго, до свидания! – Уза Олеговна что-то проверила в своих бумагах, удостоверилась, что все в порядке.

– Спасибо, до свидания. – Йена быстро встала, Элгей за

– Все, сына, едем домой.

– Я не хочу домой, я хочу в клуб, на концерт Полипа Феромонова. Я уже взрослый, у меня паспорт есть.

– Вот именно. Скоро в армию.

Элгей замолчал. Они вызвали такси и вернулись домой.

Случайная находка

Прошло еще 4 года.

Пара снова обновила ремонт и некоторую мебель в квартире. Теперь в их доме появилось несколько картин и антикварной мебели: комод, часы и витрина под коллекцию духов Йены.

Она с мужем ездила в отпуск 4 раза в год – 2 раза к морю и 2 раза побродить среди достопримечательностей, а на лето они снимали домик в Подмосковье.

– Нашему сыну скоро исполниться 18, – сказала Йена, глядя на фото несуществующего молодого человека, что стояло на камине.

– Думаешь отметить? – оторвался от монитора компьютера Элгей.

– Пока еще есть пара недель до повесток, можно особо не волноваться. Но думать надо уже сейчас.

– Ой... Ну придет повестка и что? Нету его, сбежал из дома. Нам-то что.

– Ну да, ну да... – чуть скрипучим голосом сказала Йена,

глядя в одно из окон гостиной.

Им очень повезло с домом, почти за 18 лет он не сильно просел, сохранил все свои преимущества, в нем было не холодно, коммуникации надежно работали, а два панорамных окна в гостиной все так же великолепно освещали пространство, а из окон по-прежнему был прекрасный вид.

- Ты не хочешь прогуляться?
- Да можно. Куда пойдём?
- Поехали на Тверскую.
- По местам былой славы?
- Ну так, погуляем, сейчас народу мало должно быть.

Они припарковались у дома на Тверской, где когда-то снимали квартиру. Там до сих пор жили их знакомые, которые открывали для них ворота, чтобы те могли припарковать свою машину.

Йена с Элгеем обошли все Патриаршие, там же прошлись мимо дома Гурченко. В ее окне странно мигал свет. Они обошли все свои когда-то любимые переулки: Брюсов, Богословский, Трехпрудный... А обратно решили пойти по Тверской, свернув в сад Английского клуба, где сейчас Музей современной истории, выйти из него и оттуда уже зайти за машиной.

Выходя с Мамоновского переулка они заметили, как кучка пенсионеров вывалилась из бара, очевидно в ожидании такси. Все они были в синих костюмах, в пальто и изрядно подвыпившие. Кто-то выяснял, уважают ли его, иной кричал что-то политико-патриотическое. Тут же подъехал черный мини автобус с тонированными окнами и толпа пенсионеров двинулась к нему, на улице сразу стало заметно тише. Один пенсионер в очках и очень дорогих часах вышел из клуба, видимо оторвался от своих товарищей, торопливо направился к автобусу, дверь которого открывалась. Йена и Элгей на несколько стояли и ждали, а точнее пропускали всех этих пьяных гуляк и ждали, когда последний сядет, чтобы продолжить свой путь.

Мужичок вручил Йене чехол с ноутбуком жестом, как горничной вручают верхнюю одежду, что-то промычал на пьяном, уселся в автобус, дверь захлопнулась и черный автомобиль скрывавший человек 10 в одинаковых костюмах, растворился в ночи.

Была ранняя весна, уже стемнело и было довольно прохладно. Йена замерла и смотрела то на ноут, то на Элгея.

– Поехали, дома посмотрим, что там.

– Так а может отдать в клуб, пусть разбираются...

– В этом клубе ноут пропьют быстрее, чем мы дойдем до машины.

Они добрались домой, положили ноут на комод в прихожей и легли спать.

С утра Йена прочитала в новостях, что депутат Пронька отмечал юбилей друга в Doog Bar и потерял свой ноут.

– Эл, представляешь, вчерашний господин, что всучил мне ноут – это депутат Пронька!

– Оу, это тот, который щас занимается распределением армии, призывников или типа того...

– Дааа??? Я не знала. Как интересно.

– И что там пишут?

– Что он потерял ноутбук.. Понимаешь?... Мы же можем его...

– Кхэм... ну давай попробуем, конечно, но это опасно. Лучше уж его вернуть владельцу.

– Ага и как же?

– А у тебя остался еще телефон этого... секретаря мэра?

– Возможно, думаешь он знает телефон Проньки?

– Ну может через него как-то можно. Я правда не знаю, как сказать, что его ноут у нас. Подумает еще, что мы шантажисты или воры.

– Ну да, ну да...

В приемной депутата

Йена позвонила своему знакомому, сказала, что нашла ноут у мусорки бара, увидела в новостях и решила сама пере-

дать Проньке. Ей удалось раздобыть номер личного помощника Проньки.

– Подлизин Софокл Егорович?

– Слушаю, с кем я разговариваю? – спросил надменный голос с истерическими нотками и интонацией, похожей на гейскую.

– Меня зовут Йена, я вчера нашла ноут Проньки у клуба Door, хотела бы его вернуть.

– Говорите адрес, я пришлю машину.

– Нет, понимаете, я бы хотела лично передать ему, у меня везде камеры в доме, не хочу, чтобы у Проньки были проблемы, если кто-то узнает, что он потерял ноут и вся важная там информация оказалась у меня в руках. Мне проблемы не нужны, ему, скорее всего, тоже.

Вы можете пока сказать своим пиарщикам, что новость о потерянном ноуте фейк, что депутат ничего не терял, а я аккуратно передам ему ноут, будто он и не терял его вовсе.

– Вы пытаетесь меня развести?

– Во все нет, хочу помочь и знаю, как решаются такие ситуации.

– Пф... девушка, во-первых, там нет ничего важно, во-вторых... – он прервался, в трубке слышалась какая-то возня и чей-то голос.

– Я вам перезвоню! – быстро сказал и бросил трубку помощник депутата.

Прошла неделя, Йене так никто и не перезвонил. Она с Элгеем пыталась подобрать пароль, чтобы посмотреть, что спрятано в ноуте депутата, но у них ничего не вышло.

– Думаю, нам надо записаться к нему на прием и принести ноут лично, – предложила Йена после очередной попытки подобрать пароль.

– Ну попробуй... По крайней мере, это законно.

Еще через 3 недели Йена была в приемной депутата с ноутбуком.

Подошла ее очередь, она вошла в кабинет в советском стиле, с гербом и флагом.

– Добрый день, я нашла ваш ноутбук.

– Здравствуйте, проходите... что? – Пронька не верил своим ушам.

– Вот, ваш ноут у меня.

– Кхэм.. как он у вас оказался?... И почему вы думаете, что это мой ноут?

– Я была рядом с баром, из которого вы вышли и обронили ноут, я пыталась вам вернуть его, но вы быстро уехали на микроавтобусе.

– Что ж..., – старался не показывать волнения и не терять самообладания депутат, – давайте его сюда, посмотрим.

Он открыл ноут, ввел пароль, сдержанно улыбнулся.

– Что ж, все в порядке, спасибо.

– И это все?

– Да. А вы что-то хотели? – оторвал взгляд от монитора Пронька.

– Вообще-то у меня есть небольшая просьба...

– Вы же понимаете...

– Да-да, я все понимаю, не волнуйтесь. В зоне вашей ответственности находятся военкоматы и распределение призывников, верно?

– Даже не думайте, я ни за что не нарушу закон! Если вы хотите получить военный билет или отсрочку, я немедленно вызову охрану и...

– Нет-нет, наоборот.

– Что это значит?

– Я хочу отдать сына в армию. По контракту. В горячую точку.

– Похвально, но тут я вам и не нужен. Пожалуйста, пусть он идет в военкомат и оформляется. Не вижу здесь проблемы.

– Да, но понимаете, он всю жизнь мечтал... Но сейчас он в другой стране и через неделю у него день рождения, хотела сделать ему подарок и сказать, что он принят на службу по контракту. Была бы вам очень признательна, если бы получилось все это устроить без его присутствия.

– Что ж... А как у него со здоровьем? Есть медкнижка?

– Он за всю жизнь пару раз простудой болел, даже врача

не вызывали.

– Хм... надо бы по правилам его обследовать.

– Прошу вас, подумайте, это будет лучшим подарком и благодарностью за то, что я вернула ваш ноут и ни одного мегабайта оттуда не утекло.

– Хм... ну вы оригинальный подарок, придумали, определено. Это похвально, что сын вырос таким патриотом. Думаю, я смогу вам помочь. Вот, – Пронька протянул визитку. – это телефон моего помощника, я введу его в курс дела и ваш сын получит контракт.

– Правда??? – Йена прижала сложенные руки к груди. – Спасибо вам большое! Это будет просто замечательно!

– Думаю, да. Конечно, девушка, ради вас мы и работаем.

– Спасибо вам большое! Я буду ждать звонка!

– Да... что ж... Всего и вашему сыну наилучшего! – он протянул руку, чтобы пожать ее на прощание Йене.

Йена сидела у окна в автобусе, лицо ее освещалось апрельским солнцем, воображение рисовало чудесный загородный дом с красивым зеленым газоном... Возможно, они успеют купить его уже до лета и будут наслаждаться пением птиц и неторопливым отдыхом на террасе.

Она уже придумала, как будет получать зарплату за сына, как он умрет и как они с Элгеем получат компенсацию.

Через неделю ей позвонил Подлизин и подтвердил, что

контракт готов и ее сын может сразу ехать на горячую точку.

– Вы же зачислили его? Он просто сам хотел приехать...

Он недалеко от точки находится.

– Слушайте, это не путевка на море, он должен прийти на сборы...

– Да, я понимаю, – перебила его Йена, – но можно его оформить и так, чтобы он сам нашел и приехал уже на точку. Это его выбор. Мне Пронька обещал, что так можно.

– Ладно, можно, значит можно. Я уточню все и вы мне перезвоните завтра.

Через день Йена перезвонила Подлизину, он подтвердил, что можно сделать все так, как она просила.

Это конец

Прошел месяц. Йена смотрела на фото, стоящее на комоде: улыбающийся молодой человек, похожий больше на Элгея, чем на нее. Темно-русые вьющиеся волосы на челке, прямой среднего размера нос, зеленые глаза... Если бы он существовал в реальности и не был бы ее сыном, она запросто могла бы в него влюбиться.

– Алло, Софокл Егорович?

– Да-да.

– Хотела узнать, как там мой сын Рюрик Смирный.

– Все замечательно, Йена! Служит как герой!

– С ним все хорошо?

– Лучше не бывает! Спасибо вам за сына!

– Хорошо. Спасибо большое.

Она отложила телефон и стала думать, как бы устроить его смерть.

Прошел месяц. Йена с Элгеем пили кофе на балконе, за окном летали стрижи, разрезая небо раздвоенными хвостами и издавая звуки, которые многие называют ласточкиными.

– Слушай, у меня часы встали, – приложила к уху наручные часы Йена. Она посмотрела на старинные часы, что стояли в гостиной, подошла к ним, послушала, они тоже не тикали. Девушка проверила время на телефоне, все часы остановились примерно час назад.

– Мои тоже встали, – взял с полки свои наручные часы Элгей. – Странно...

В этот момент раздался звонок в дверь.

– Ты кого-то ждешь? – спросил Элгей, трясая часы.

– Нет. А ты?

– И я нет. Ну соседи наверно. Больше никто не может так через охрану и домофон пройти в подъезд.

– Наверно. Откроешь?

На пороге стоял улыбающийся высокий молодой человек,

похожий на Элгея. Темно-русые вьющиеся волосы на челке, прямой среднего размера нос, зеленые глаза. Он был в военной форме с небольшим рюкзаком.

– Папа, я вернулся! – улыбался улыбкой Элгея молодой человек.

Элгей округлил глаза и ссутулился.

– Вы кто?

– Я Рюрик, твой сын.